

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.923.2

Таланов В. Л.

**ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННАЯ
МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОГО МЕТАБОЛИЗМА (МОДЕЛЬ «Т»)
КАК ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕЖТИПНЫХ РАЗЛИЧИЙ
И ИНТЕРТИПНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

В развитие традиционной для соционики модели А. Аугустинавичюте (модели «А») предложена на основе результатов эксперимента психофизиологическая модель «Т», использующая не 8, но лишь 4 психические функции К. Юнга, где, однако, каждая характеризуется сразу двумя параметрами: порогами по возбуждению и торможению. Дополнительно к парциальным порогам функций указываются одинаковые для всех функций общие свойства силы-слабости индивида по возбуждению и торможению. Общий порог по возбуждению определяет, какая из четырех функций будет программной и какая — мобилизационной. Общий порог по торможению задает акцентуацию ТИМа.

Экстравертность и экстратимность разводятся моделью и оказываются квазиортогональными свойствами, первое (для индивида в целом либо его отдельных функций) соответствует высоким порогам по возбуждению, второе — низким порогам по торможению. Вертность первых двух функций совпадает с вертностью индивида, последних двух — противоположна ей; экстра- или интротимность соответствует общепринятому соционическому «цвету» функций (черные функции экстра-тимны, то есть имеют низкие пороги торможения). Количество степеней свободы модели возрастает (в сравнении с моделью «А») с 4 до 5 и становится адекватным общепринятой пятифакторной модели личности.

Модель «Т» соответствует экспериментальным данным, проста в понимании и применении, связывает в гораздо более ясную и целостную картину многочисленные факты соционики, дифференциальной психологии, психофизиологии и физиологии ВНД, легко объясняет психологические и соционические закономерности, в том числе трудно выводимые из модели «А» (включая свойства ТИМов, интритипные отношения и содержание части признаков Рейнина); она также предсказывает новые закономерности. Помимо этого, модель устраняет ряд коллизий современной дифференциальной психофизиологии и разрешает проблемы физиологии ВНД, возникшие в исследованиях научной школы Павлова-Теплова-Небылицына.

Ключевые слова: соционика, психофизиология, психофизика, физиология ВНД, психологические типы, модель личности, экстраверсия, порог чувствительности, возбуждение анализатора, торможение анализатора.

Экспериментальные данные, исходные для модели

Настоящая статья представляет собой печатную версию теоретического раздела доклада, сделанного автором 18, 20 и 22 сентября 2006 года (частями, в продолжении) в Киеве на XXII Международной конференции по соционике.

В предыдущем, экспериментальном разделе¹ было доказано, что полюс «конструктивистов» соответствует неуравновешенности *этической* функции и уравновешенности функции *логической*, полюс «эмотивистов», напротив — уравновешенности *этики* и неуравновешенности *логики*. Аналогично у всех ТИМов из полюса «тактиков» диагностируется уравновешенность *сенсорики* и неуравновешенность *интуиции*, а у ТИМов из полюса «стратегов» — уравновешенность *интуиции* и неуравновешенность *сенсорики*. Для любой функции уравновешенность проявляется как хорошая контролируемость, «послушность» функции, в

¹ Таланов В. Л. Содержательное наполнение и физиологическая интерпретация соционических признаков «конструктивисты-эмотивисты», «тактики-стратеги», «уступчивые-упрямые» и «беспечные-предусмотрительные». // Соционика, ментология и психология личности. — 2006. — № 5; а также экспериментальная часть доклада автора на конференции.

том числе гибкость и легко управляемая сознанием переключаемость (при нужде) на другие темы с достаточно полным и быстрым вытеснением прежних тем деятельности. Неуровновешенность внутри функциональной сферы проявляется как инертность, ригидность, навязчивость (порой даже с явным оттенком неприятия и нежелательности), а также как автоматизированная «фоновая» работа функции вне возможности эффективного сознательного ее контроля.

Признаки «уступчивые-упрямые» и «беспечные-предусмотрительные» связаны, как показано в тех же источниках, уже не с уравновешенностью, но с чувствительностью функций, то есть с высотой порогов их возбуждения и диапазоном интенсивностей сигналов, на которые соответствующие функциональные сферы оптимально реагируют. Так, «уступчивые» обнаруживают высокочувствительную *этику* (с низкими порогами возбуждения этической функции), при этом более сильные сигналы, превосходящие оптимальную зону интенсивности, практически игнорируются. Например, «уступчивый» дает, как правило, более сильный эмоциональный резонанс на тонкие этико-эмоциональные нюансы, нежели на громкие трагедийные рыдания, великую радость и т. п. Соответственно, и на «выходе» его *этической* функции также присутствуют скорее слабые, чем сильные сигналы. Слабосигнальная приспособленность этики «уступчивых» проявляется в предпочтении этических частей и деталей, а не целого; этических нюансов, а не страстей; в предпочтении дальней физической дистанции общения и т. п. *Логика* «уступчивых», напротив, сильносигнальна, имеет высокие пороги возбуждения, сама порождает интенсивные сигналы и оптимально реагирует тоже на сигналы из высокого диапазона интенсивностей: это проявляется в тяге к самостоятельным ответственным решениям, предпочтении «глобальных» логических конструкций (с одновременной нечувствительностью к мелким логическим связкам и деталям), выборе физической работы с повышенными, затратными и напряженными требованиями к двигательной координации и т. д. В полюсе «упрямых» всё обстоит наоборот: их *логика* слабосигнальна, а *этика* — сильносигнальна, требует интенсивных раздражителей. Аналогичная картина, но с *иррациональными* (воспринимающими) функциями имеет место и в полюсах признака «беспечные-предусмотрительные». У «беспечных» *сенсорика* слабосигнальна, а *интуиция* сильносигнальна. У «предусмотрительных» — наоборот.

Важные для построения модели факты дифференциальной психофизиологии и физиологии ВНД и некоторые предварительные выводы из них

Начиная с работ И. П. Павлова, базовыми для физиологии высшей нервной деятельности (ВНД) стали понятия процессов возбуждения и торможения в нервном субстрате, или — пользуясь терминами психологии — в сфере выделенной психической функции. Стимул порождает ответную реакцию, но реакция (возбудительная либо тормозная) возникает в ответ лишь на достаточно сильный стимул, превосходящий нижнее пороговое значение (порог обнаружения) сигнала (рис. 1). При дальнейшем росте интенсивности стимула растет и величина реакции (линейный участок на кривой зависимости), при еще большем возрастании интенсивности входного сигнала величина реакции сначала выходит на плато, затем начинает убывать (зона запредельного торможения). Кривые зависимости величины (интенсивности и вероятности) ответа от входного стимула с двумя значениями порогов, нижнего и верхнего, выше которого интенсивность и вероятность ответа выходит на плато и затем быстро падает, характерны не только для психики и даже не только для физиологических процессов. Подобные кривые, с загибом выше верхнего порога, в общем типичны для многих физических процессов, например, для зависимости почернения фотопластинки от интенсивности засветки (при слишком мощных экспозициях в фотослое начинается процесс соляризации, препятствующий почернению).

Согласно работам психофизиологической школы В. Д. Небылицына, высота верхнего и нижнего порогов взаимосвязаны. Если у одного индивида в каком-то конкретном анализаторе нижний порог (порог обнаружения сигнала) сдвинут на графике влево, в область слабых сигналов (кривая 1 на рис. 1), то и верхний порог, соответствующий выходу кривой

на плато, тоже будет сдвинут влево, в область сравнительно мало интенсивных, объективно «средних» сигналов. Такой индивид является специалистом по слабым сигналам — линейный участок его кривой стимул-реакция располагается в области слабых и средних сигналов. Система входных порогов такого индивида работает как фильтр, выделяющий из общего многообразия сигналов только сигналы с низкой и средней интенсивностью — именно на них будет дана реакция с наибольшей вероятностью и интенсивностью. У другого индивида, с заметно более грубыми, высокими порогами обнаружения (кривая 2 на рис.1) верхний порог, соответствующий выходу на плато с последующим «загибом» кривой, сдвигается тоже в сторону более сильных сигналов. Его характеристическая кривая работает как фильтр, выделяющий из многообразия сигналов для последующего реагирования лишь сигналы со средней и высокой интенсивностью.

Как видим на рисунке 1, сам вид кривой реагирования мало изменчив, индивидуальные же различия в конечном итоге диктуются лишь координатой нижнего порога.

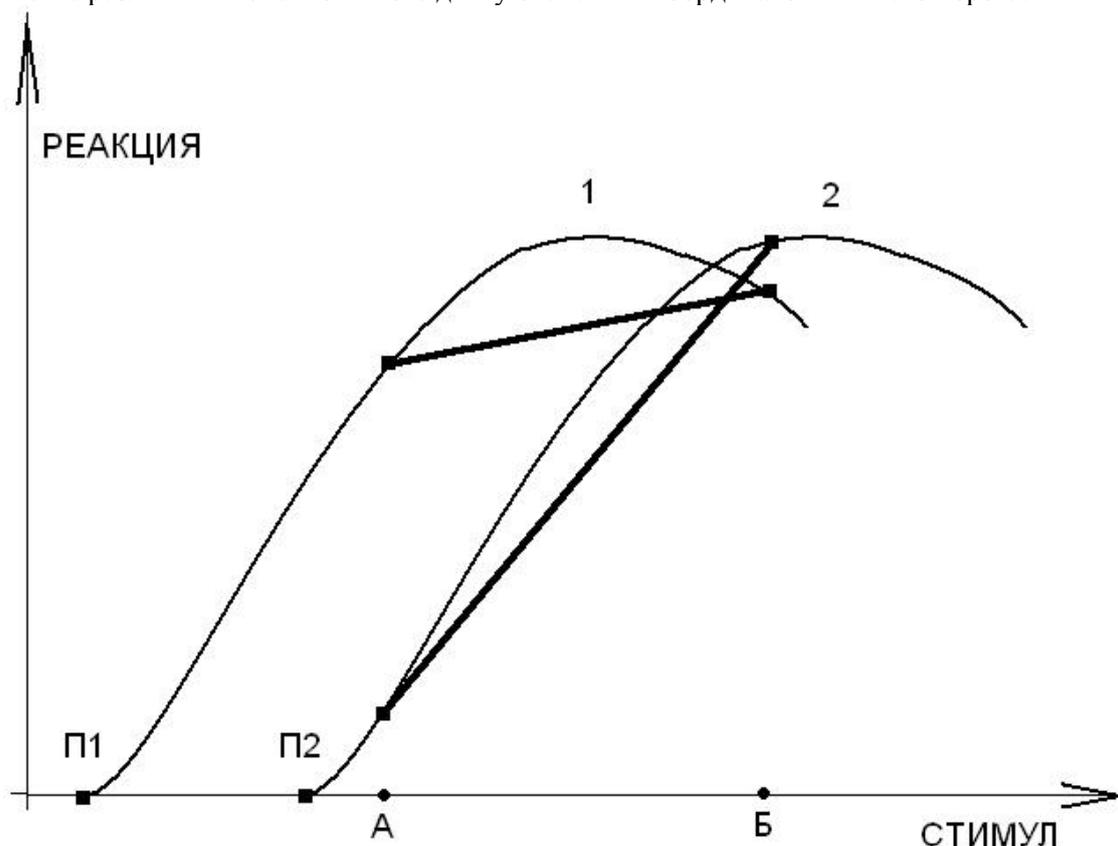

Рис. 1. Зависимость ответа от величины (интенсивности) стимула для «слабой» нервной системы (слабосигнальные по данной конкретной функции специалисты, кривая 1) и «сильной» нервной системы (сильносигнальные специалисты, кривая 2).

Порог возбуждения (обнаружения сигналов) у сильных (П2) выше, чем у слабых (П1). По точкам А (из среднего диапазона интенсивности входных сигналов) и Б (высокоинтенсивные сигналы) строится отрезок прямой, соединяющий точки на соответствующих кривых. Наклон этого отрезка (ХНК-2, «характеристический наклон кривой по двум точкам») соответствует «силе» нервной системы: он оказывается больше у «сильных» (круто наклоненный отрезок на кривой 2). Измерение ХНК-2 — один из референтных методов определения силы-слабости нервной системы по возбуждению в психофизиологическом эксперименте (в качестве стимула при этом может применяться звук разной громкости, в качестве меры реакции — скорость нажатия кнопки). Величина «реакции» по оси ординат имеет смешанный характер и частично проявляется в росте физической интенсивности ответа, а частично — в росте вероятности ответа с фиксированной интенсивностью.

Если взять два сигнала, один слабо-средней, а другой — большой интенсивности (точки А и Б на рис. 1), то прямые отрезки, соединяющие соответствующие точки на кривых реагирования у «слабосигнального» и «сильносигнального» испытуемых, будут иметь разный наклон. Более крутой наклон получается у «сильносигнального» испытуемого. Измеряющий этот наклон метод определения «силы-слабости нервной системы к возбуждению», или, точнее и понятнее говоря, определения индивидуальной специализации испытуемого по сильно- или слабосигнальности, вошел в практику дифференциальной психофизиологии как главный стандартный (референтный) метод диагностики силы-слабости нервной системы. Электроэнцефалографические методы измерения этого свойства нервной системы у человека (в зрительном анализаторе) опираются чаще всего на реакцию навязывания ритма световых мельканий в мощностном спектре ЭЭГ: у «слабых» (высокочувствительных, слабосигнальных по зрительному анализатору испытуемых) засветка глаз мелькающим светом в полосе *тета* и *дельта* частот заметно больше отражается в росте соответствующей частотной компоненты в мощностном спектре ЭЭГ, чем у «сильных» (низкочувствительных, сильносигнальных) испытуемых. Третий референтный метод состоит в определении пороговой чувствительности соответствующего анализатора в психофизических экспериментах — у «слабосигнальных» специалистов пороги обнаружения располагаются ниже. Еще один принципиальный способ определения силы-слабости (сильно- или слабосигнальности) связан со скоростью возникновения реакций утомления и запредельного торможения у испытуемых при вынужденном функционировании в зоне объективно сильных сигналов — понятно, что у «слабосигнальных» специалистов это утомление будет возникать гораздо быстрее, чем у «сильносигнальных».

Разные методы определения свойства слабо- или сильносигнальности хорошо коррелируют между собою в пределах одного анализатора (допустим, зрительного). Между зрительным и слуховым анализаторами корреляция сохраняется, хотя и становится несколько менее выраженной. Зато при переходе к принципиально иной психической функциональной сфере (моторной, эмоциональной, интеллектуальной) свойства нервной системы нередко меняют свой знак: «сильные» становятся «слабыми» либо наоборот.

В то же время в массе испытуемых некоторая положительная скоррелированность разных функциональных сфер по их силе-слабости все же сохраняется. Эти экспериментальные факты в свое время привели В. Д. Небылицына и его учеников к гипотезе о двухуровневой организации свойств нервной системы человека. Первый, верхний уровень (первый и общий входной фильтр на пути любых входящих в психику сигналов) отвечает так называемому *общему свойству нервной системы по силе-слабости относительно возбуждательного процесса*. Этот фильтр одинаково действует на все функциональные сферы психики. В переложении на язык юнговских функций это значит, что действие общего свойства нервной системы одинаково распространяется и на *логику*, и на *этику*, и на *интуицию*, и на *сенсорику*, а в пределах, например, *сенсорики* — одинаково на слуховой и зрительный анализаторы.

Однако помимо этого общего для всех функциональных сфер фильтра имеются более избирательные и потому более важные «частные», **парциальные** фильтры в каждой обособленной функциональной системе психики, и знаки этих фильтров (специализированность соответствующей функции по сильно- или слабосигнальности) вовсе не обязаны совпадать со знаком соответствующего «общего» свойства нервной системы. Более того, далее, при рассмотрении модели «Т», мы увидим, что этот вывод В. Д. Небылицына — о **взаимной независимости парциальных свойств нервной системы по силе-слабости** — в нашей трактовке и согласно нашим экспериментальным данным превращается в далеко идущий вывод о жесткой негативной коррелированности парциального свойства силы-слабости в двух оппозиционных по К. Юнгу функциональных сферах. А именно, «сильносигнальные» по *логике* обязаны одновременно быть «слабосигнальными» по *этике*; «сильносигнальные» по *сенсорике* — «слабосигнальными» по *интуиции* и т. д. Собственно, к этому выводу мы уже приходили выше чисто экспериментально и эмпирически, — когда убедились в соот-

ветствующем оппозиционном содержательном наполнении полюсов признаков «уступчивые-упрямые» и «беспечные-предусмотрительные» (см. первый раздел настоящей статьи).

Таким образом, по каналу возбуждения (и пока мы говорим только о нем!) существует двухуровневая система фильтрации входящих извне либо циркулирующих внутри психики сигналов — в зависимости от их интенсивности. Верхний уровень соответствует т. н. «общему» свойству нервной системы по силе-слабости возбуждения, а соответствующий ему фильтр одинаков по знаку для всех функциональных сфер, задавая их некоторую общую предрасположенность к «сильносигнальности» или «слабосигнальности». Второй, нижний уровень составляют т. н. парциальные свойства нервной системы по силе-слабости, соответствующие им фильтры отбора сигналов по интенсивности, как правило, мощнее, чем общий фильтр верхнего уровня, поэтому именно парциальные свойства в конечном итоге определяют, каким специалистом — «сильносигнальным» или «слабосигнальным» — будет человек в сфере конкретно *этики, логики, сенсорики* или *интуиции*. В. Д. Небылицын предполагал, что эти фильтры не скоррелированы друг с другом, линейно независимы, однако при рассмотрении признаков «беспечные-предусмотрительные» и «уступчивые-упрямые» мы убедились, что корреляция между парциальными порогами несомненна, а именно: в оппозиционных по К. Юнгу функциональных сферах она имеет четко отрицательный знак. Как уже указывалось, «сильносигнальные» по *логике* обязаны одновременно быть «слабосигнальными» по *этике*; «сильносигнальные» по *сенсорике* — «слабосигнальными» по *интуиции* и т. д. В то же время скоррелированность пороговых фильтров между функциональными сферами разной «*нальности*» действительно отсутствует. Так, один сильносигнальный *логик* может быть сильносигнальным по *сенсорике*, другой сильносигнальный *логик* может быть сильносигнальным по *интуиции* (и слабосигнальным — по *сенсорике*). Между функциями разной *нальности* по отношению к процессам возбуждения мы наблюдаем независимость парциальных сфер.

До сих пор речь шла о процессах возбуждения. А что же процессы торможения? Аналогия заставляет предположить, что система двухуровневого фильтра распространяется и на эти процессы. Точно так же должен наличествовать верхний (сравнительно слабый) фильтр в виде **общего** свойства силы-слабости нервной системы **по торможению**, одинаково действующий на все функции. Точно так же в каждой отдельной («парциальной») функциональной сфере должен иметься свой собственный (и более мощный) фильтр, отбирающий тормозные сигналы по интенсивности. Вот только скоррелированность различных функциональных сфер между собою по знаку этих парциальных фильтров, задающих сильносигнальную или слабосигнальную специализированность функции по каналу торможения, может оказаться совсем иной, чем по каналу возбуждения. И эта скоррелированность соседних функциональных сфер для случая фильтрации тормозных сигналов действительно оказывается совсем другой! Это вытекает из кратко описанных в первом разделе статьи экспериментальных данных по содержательному наполнению соционических признаков «*конструктивисты-эмотивисты*» и «*тактики-стратеги*». Напомним, что *конструктивисты* уравновешены по *логике* и неуравновешены по *этике*, *эмотивисты* — наоборот. *Тактики* уравновешены по *сенсорике* и неуравновешены по *интуиции*, *стратеги* — наоборот.

Что означает уравновешенность-неуравновешенность на психофизиологическом языке? Уравновешенность означает уравновешенность порогов возбуждения и торможения функции. Неуравновешенность означает неравенство, неуравновешенность порогов. Почему это так? Не будем обращаться к авторитетам, хотя со времен И. П. Павлова они об этом много писали. Попытаемся объяснить разумность этих утверждений «на пальцах».

Если пороги возбуждения и торможения у функции одинаковы (оба высокие или оба низкие), то это приводит к тому, что и оптимальные величины как возбуждающего, так и тормозного сигналов для данной функции совпадают. Канал торможения имеет только вход, выхода у него нет.

Если у канала возбуждения имеются и вход, и выход, — на выходе функции рождаются выходные сигналы примерно той же интенсивности, что и входные (в противном случае функция была бы лишена возможности «слышать» свою продукцию).

Не только внешние или порождаемые в других функциональных сферах индивида, но и собственные порождаемые функцией сигналы могут далее воздействовать как на ее возбудительный, так и на ее тормозной канал. В последнем случае они могут не просто тормозить и выключать функцию, но и перенаправлять ее действие без ее выключения, то есть осуществлять гибкое управление внутри собственной функциональной сферы. Например, дезактуализировать неприятные воспоминания и непродуктивные мысли, переключать «тему» работы функции и т. д. Если же высота порогов возбуждения и торможения функции различна, то этого не происходит, функция становится инертной, трудно управляемой сигналами собственной функциональной сферы.

Таким образом, неуравновешенность по порогам возбуждения и торможения (неравенство высоты этих порогов) приводит к инертности, ригидности, застойности, навязчивости. Уравновешенность — к управляемости, гибкости, легкому сознательному контролю и фактически — к подчиненности и манипулятивно-служебному характеру творчества этой функции.

Так, уравновешенность *логики* (моторно-логической сферы психики) у «*конструктивистов*» вполне может трактоваться в традиционном для физиологической школы И. П. Павлова смысле, а именно как равная высота порогов возбуждения и торможения функции, что обуславливает её хорошую гибкость и «самоуправляемость» даже в пределах собственной сферы функционального действия, — ибо благодаря равенству порогов одни и те же порождаемые в этой сфере сигналы могут выступать и как возбудительные, и как тормозные. Соответственно, наблюдаемая неуравновешенность *этической* функции у всех ТИМов полюса «*конструктивистов*» вполне может быть объяснена разной высотой порогов возбуждения и торможения функции — разная высота порогов приводит к тому, что собственные, внутренние сигналы, порождаемые в *этической* сфере (соответствующие по интенсивности оптимальному диапазону возбуждающих *этику* сигналов) не могут одновременно выступать как эффективные тормозные сигналы, меняющие направление работы этой функции, ибо из-за рассогласования высоты порогов рождаемые внутри функции сигналы не соответствуют своей величиной оптимальному диапазону интенсивности эффективных сигналов торможения.

Принадлежность к полюсам признака «*уступчивые-упрямые*» однозначно детерминирует, как мы видели, высоту порога *логики* и *этики* по сигналам возбуждения, то есть определяет, будет человек в сфере этих двух функций (обязательно с противоположным знаком для второй функции) специалистом по сильным или по слабым сигналам. Принадлежность же к полюсам «*конструктивистов*» или «*эмотивистов*» задает, как мы теперь видим, равенство или неравенство высоты порогов торможения и возбуждения. Тем самым два признака в сумме однозначно кодируют высоту также и тормозных порогов *логики* и *этики*.

Что получается в итоге? Высокие тормозные пороги по *логической* функции должны иметь «*уступчивые конструктивисты*» и «*упрямые эмотивисты*». Обратившись к таблице 1, нетрудно увидеть, что все соответствующие ТИМы являются специалистами по «*белой*» *логике*. Низкие тормозные пороги будут иметь уравновешенные по *логике* «слабосигнальные» специалисты по возбудительным *логическим* сигналам (*упрямые конструктивисты*) и неуравновешенные по *логике* «сильносигнальные» логические специалисты (*уступчивые эмотивисты*). В итоге получаются все ТИМы с *черной логикой* (■) в первом кольце. Аналогичное получается и для *этики*: высокие тормозные пороги соответствуют *белой этике* (□), низкие тормозные пороги — *черной этике* (■).

Точно та же самая закономерность получается и для иррациональных функций. *Черная сенсорика* (●) и *черная интуиция* (●) соответствуют **низким** тормозным порогам и специализации по слабым тормозным сигналам, *белая сенсорика* (○) и *белая интуиция* (△) со-

ответствуют **высоким** тормозным порогам и специализации по сильным, интенсивным тормозным сигналам.

Таблица 1.

	□; ◻ высокий порог торможения	КОНСТРУКТИВИСТЫ		ЭМОТИВИСТЫ		■; ◼ низкий порог торможения
	УСТУПЧИВЫЕ	ИЛЭ	▲ ◻ ◻ ●	ИЭИ	△ ◼ ■ ○	
ЭСИ		◻ ● △ ◻	ЛСЭ	■ ○ △ ◼		
СЛЭ		● ◻ ◻ ▲	СЭИ	○ ◼ ■ △		
ЭИИ		◻ △ ● ◻	ЛИЭ	■ △ ○ ◼		
УПРЯМЫЕ	ЭСЭ	◼ ○ △ ■	ЛСИ	◻ ● ▲ ◻		
	ИЛИ	△ ■ ◼ ○	ИЭЭ	▲ ◻ ◻ ●		
	ЭИЭ	◼ △ ○ ■	ЛИИ	◻ ▲ ● ◻		
	СЛИ	○ ■ ◼ △	СЭЭ	● ◻ ◻ ▲		
	■; ◼ низкий порог торможения					□; ◻ высокий порог торможения

Окончательные основные выводы, которые нужно сделать из рассмотрения высоты порогов возбуждения и торможения четырех функций 16-ти ТИМов социона, формулируются так:

1) У всех *экстравертов* (в первом кольце модели «А») первые две функции имеют высокие парциальные пороги возбуждения, специализируясь по сильным сигналам, а последние две имеют низкие пороги возбуждения, специализируясь по слабым сигналам.

У всех *интровертов* — наоборот, первые две функции слабосигнальны по возбуждению, а последние две — сильносигнальны.

В паре функций одной *нальности* (*логика-этика, интуиция-сенсорика*) функции всегда противоположны по знаку порогов возбуждения, обязательно имеют разную их высоту (сильносигнальной *логике* соответствует слабосигнальная *этика* и т. д.).

2) Все *черные* функции имеют низкие пороги по торможению (и легко тормозятся слабыми сигналами, сильными же сигналами — не тормозятся); все *белые* функции имеют высокие пороги по торможению (и легко тормозятся и переключаются только сильными сигналами, слабые же сигналы не вызывают ни их эффективного торможения, ни переключения).

В паре функций одной *нальности* (*логика-этика, интуиция-сенсорика*) высота тормозных порогов обязательно совпадает, оппозиционность в высоте порогов торможения для функций одной *нальности* не наблюдается. У всех функций одной *нальности* высота порогов торможения одинакова. Зато эта оппозиционность имеет место между функциями разной *нальности*. Если все *иррациональные* функции имеют одну высоту порогов торможения, то у всех *рациональных* функций высота тормозных порогов обязательно будет противоположной (если у одних — низкой, то у других — высокой).

Оппозиционность порогов возбуждения у двух функций одной *нальности* приводит к тому, что возбуждение, допустим, с этики не может прямо и без затруднений переходить на логику, ему проще распространяться на одну из функций другой *нальности*.

Отсутствие же оппозиционности порогов торможения приводит как бы к объединению механизмов торможения у всех функций одной *нальности*, приводит к тому, что сигналы с выхода программной функции в равной степени все время как бы притормаживают обе функции противоположной *нальности*, давая некоторое постоянное преимущество включению программной функции (а отчасти и контактной функции).

Контактной функции, однако, трудно включаться в работу без толчка извне — исходя из высоты ее порогов, она может легко (без адаптационного напряжения) включаться в работу либо толчком со стороны аналогичной программной функции дуала или полудуала, либо в результате внутреннего импульса со стороны собственной мобилизационной функции, которая, в свою очередь, хоть и способна работать в фоновом автоматизированном режиме, но лишь автономно, исключительно редко выдавая наружу исходящий сигнал, необходимый для возбуждения контактной. Как мы увидим далее, возбуждение на контактную функцию может переходить и с творческой — хотя в упрощенной психофизиологической модели это и не отражается, но разность возбудительных порогов между творческой и контактной функциями куда меньше, чем между программной и мобилизационной.

3) У всех ТИМов первая в кольце (программная) и последняя в кольце (мобилизационная) функции **неуравновешены** по высоте своих порогов возбуждения и торможения, поэтому они плохо управляются и контролируются внутри собственных функциональных сфер. Творческая и контактная функции, напротив, всегда **уравновешены** по высоте порогов, поэтому они наиболее гибки, управляемы, контактны, компромиссны и, в известном смысле, «подчиненно-служебны», интенсивно эксплуатируемы — в том числе и особенно в условиях психологического прощупывания, флирта, «торговли» и общения с новыми и случайными людьми, то есть контакта.

4) Понятие *экстравертности-интровертности* более всего соответствует высоте порогов возбуждения первых двух функций ТИМа (функций блока ЭГО) — у *экстравертов* пороги возбуждения этих функций высоки, что соответствует специализации по сильным входящим в эти функции сигналам и столь же сильным сигналам, порождаемым внутри этих функций и на их «выходе». Этому, очевидно, соответствует энергозатратная стратегия внутри соответствующих функциональных сфер.

Понятие *экстратимности-интротимности* — иное по смыслу, оно оказывается не связанным с вертностью, совпадает с «цветом» функций и психофизиологически характеризует высоту порогов торможения. Все *экстратимные* («черные») функции имеют низкие пороги торможения, то есть легко манипулируются и тормозятся в слабосигнальной среде. *Интротимные* «белые» функции — наоборот. Отсюда проистекает некоторая внешняя (но не каузальная!) схожесть *экстратимности* с *экстраверсией*. *Экстравертные* функции (обе ведущие из блока ЭГО у *экстравертов* либо две последние — у *интровертов*) по своему возбудительному входу ориентированы на сильные, интенсивные сигналы и рождают тоже интенсивные, энергозатратные ответные сигналы. *Экстратимные* же функции (все *черные* функции кольца) независимо от своей *вертности* ориентированы в сфере своего функционального восприятия лишь на избегание чересчур слабосигнальной внешней среды (тормозящей их и усыпляющей), поэтому ради своего устойчивого функционирования склонны взаимодействовать с аналогичными функциями партнеров, производящими сильные сигналы. Это, однако, вовсе не означает, что сами они также непременно склонны производить в своей сфере интенсивные, энергозатратные сигналы. Может быть, они будут это делать (если одновременно *экстравертны*, сильносигнальны по возбуждению), а может быть, и нет (если они по возбуждению *интровертны* и слабосигнальны). Одно дело — искать интенсивно насыщенную стимульную среду, будировать окружающих и заставлять мир «вертеться», чтобы не заскучать и не заснуть от слабосигнальной монотонии. Это — дело *экстратимов* и *экстратимных черных* функций. Совсем другое дело — возбуждаться при этом са-

тому и в результате тратить повышенную энергию (может быть, даже задавливая при этом инициативу окружающих). Это — дело *экстравертов* и тех функций, которые имеют высокие возбудительные пороги. Итог хотя схож, но не тождествен. *Экстравертные* функции предпочитают действовать сами, а *экстратимным* функциям важно создать вокруг себя среду, гарантированно их не усыпляющую, — для этого в своей сфере они будируют и слегка провоцируют окружающих. *Экстратимные* функции более заинтересованы в интенсивно насыщенной окружающей среде, а *экстравертные* — в собственной доминирующей активности. Очевидно, при совпадении эти тенденции могут как бы усиливать друг друга, что затрудняет их раздельную диагностику. В существующих соционических опросниках эти две тенденции откровенно смешиваются, из-за чего шкала *экстраверсии* в них, как правило, «грязна», плохо работает.

5) Помимо восьми парциальных порогов (по два на каждую из четырех функций, причем лишь три порога из восьми независимы, задавая три степени свободы), индивид характеризуется двумя общими порогами верхнего уровня, соответствующими не частным, а общим свойствам силы-слабости нервной системы: отдельно по возбуждению и по торможению. Высокий порог по возбуждению соответствует общей *экстравертности* индивида. Напомним, что высокий порог работает как фильтр, пропускающий к функциям сигналы преимущественно только высокой интенсивности.

Что получается при наложении этого фильтра на парциальные пороговые фильтры отдельных функций? Если общий порог и парциальный порог функции одинаковы по высоте (допустим, оба высоки), то наложение дополнительного «общего» фильтра не меняет полосу пропускания и плотность парциального функционального фильтра. В нашем случае через него без ослабления будут проходить сильные входные сигналы, в то время как слабые сигналы будут отсекаются. Если же полосы пропускания фильтров полностью не совпадают (в нашем случае такое произойдет, если при общем высоком возбудительном пороге парциальный порог возбуждения данной конкретной функции низок, соответствующий ему парциальный фильтр настроен соответственно на пропускание лишь сравнительно слабых сигналов), то наложение двух фильтров выделит из диапазона и допустит к функции сигналы лишь среднего диапазона интенсивности, способные, пусть и с некоторой потерей в вероятности прохождения, преодолеть как один, так и другой фильтр. Эффект влияния общего фильтра верхнего уровня на полосу пропускания парциального функционального фильтра получается при этом двояким. Во-первых, итоговая полоса пропускания смещается к некоторой промежуточной точке между максимумами пропускания двух фильтров. Если парциальный фильтр пропускал преимущественно слабые сигналы, а общий фильтр высокого уровня — преимущественно сильные, то итоговый двойной фильтр пропускает преимущественно сигналы средней, промежуточной интенсивности. Во-вторых, происходит не только сдвиг полосы пропускания, но и ослабление вероятности реагирования на сигнал, проникающий через двойной фильтр (поскольку сигналы средней интенсивности периферийны как для одного, так и для второго фильтра, поэтому в обоих случаях коэффициент их пропускания заметно меньше 100%). Ослабляющую роль фильтра целесообразно рассматривать не как снижение интенсивности ответной реакции, а как **снижение вероятности** ответной реакции. Физическая и, главное, информационная «интенсивность» ответных, рождаемых внутри функциональной сферы реакций вряд ли может сильно зависеть от физической интенсивности входного сигнала — она, скорее, определяется постоянными внутренними особенностями функциональной сферы.

Добавление двух общих порогов верхнего уровня к восьми парциальным увеличивает общее количество степеней свободы системы с трех до пяти. Общий порог по возбуждению определяет, какая из двух неуравновешенных функций индивида будет программной, а какая — мобилизационной. Конечно, программной будет та, парциальный порог возбуждения которой соответствует общему порогу возбуждения нервной системы индивида. Подробней мы это разберем в разделе о признаке *экстраверсии-интроверсии*.

Общий порог по торможению влияет на общую *экстратимность* или *интротимность* субъекта и задает, как нам представляется, одну из фундаментальных акцентуаций ТИМа: *экстратимную* или *интротимную*. *Экстратимно* акцентуированные личности (низкий порог общего торможения) легче «засыпают» от монотонной слабосигнальной среды, поэтому предпочитают обращаться в среде с повышенной общей информационно-сигнальной насыщенностью. *Интротимно* акцентуированные личности — наоборот. Соответствующие им общие пороги торможения по-разному влияют на парциальные тормозные пороги функций (причем по-разному — у *экстравертов* и *интровертов*) и существенно «раздваивают» по свойствам каждый ТИМ. Понятие об этих акцентуациях, очевидно, ново для соционики и будет подробно рассмотрено нами с теоретической точки зрения (в том числе с точки зрения гипотетически вносимых ими в ТИМы последствий) в специальной отдельной статье. Пока же (в дальнейшем изложении) общие тормозные пороги, чтобы не отрываться от привычной классификации на 16 типов, мы будем игнорировать, условно считая их «средними», одинаковыми для всех людей и потому не влияющими на парциальные тормозные пороги функций.

Построение психофизиологической модели ТИМа

Приведем формулу (модель «Т»), характеризующую полную психофизиологическую модель $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ):

(1) $(\mathbf{в/в})^{\mathbf{И}_\mathbf{н}} \mathbf{Л}_\mathbf{в} \mathbf{С}_\mathbf{н} \mathbf{Э}_\mathbf{в}$ — для *интротимного* подтипа $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ) (тенденция к высокосигнальности общего торможения);

(2) $(\mathbf{в/н})^{\mathbf{И}_\mathbf{н}} \mathbf{Л}_\mathbf{в} \mathbf{С}_\mathbf{н} \mathbf{Э}_\mathbf{в}$ — для *экстратимного* подтипа $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ) (тенденция к низкосигнальности общего торможения).

(3) $(\mathbf{в/с})^{\mathbf{И}_\mathbf{н}} \mathbf{Л}_\mathbf{в} \mathbf{С}_\mathbf{н} \mathbf{Э}_\mathbf{в}$ — для «усредненного» $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ) (средний общий порог торможения, влияние которого на парциальные тормозные пороги функций можно игнорировать).

В этих формулах левый верхний индекс возле функции указывает на оптимальный парциальный порог ее возбуждения (**в** — высокий, выше среднего в популяции; **н** — низкий, ниже среднего в популяции), правый нижний индекс с теми же обозначениями указывает оптимальный парциальный порог торможения. «Сильным» индивидам и сильносигнальным функциям соответствует буква «**в**» (высокие пороги), «слабым» и слабосигнальным функциям — «**н**» (низкие пороги). Индекс «**с**» в формуле (3) означает среднюю величину общего тормозного порога. Напомним, что слово «парциальный» эквивалентно слову «частный» и характеризует отнесение порога не к нервной системе индивида в целом, а только к сфере данной конкретной психической функции (одной из четырех юнговских). **И** — *интуиция*, **Л** — *логика*, **С** — *сенсорика*, **Э** — *этика*. Дробь в скобках перед формулой дополнительно указывает на общие свойства силы-слабости нервной системы индивида по возбуждению (в числителе) и по торможению (в знаменателе). Здесь (в скобках) речь идет уже не о парциальных порогах, а об общих порогах нервной системы в целом, одинаково проецирующихся на все ее функции.

В отличие от частных (парциальных) свойств нервной системы, выраженных индексами при функциях и относящихся к каждой функции в отдельности, общие пороговые свойства одинаково влияют на все функции индивида. При этом облегчается действие тех парциальных функциональных каналов, которые высотой порога совпадают с соответствующим порогом общего свойства нервной системы (при несовпадении происходит затруднение ответа в смысле снижения вероятности ответной реакции), кроме того, при несовпадении происходит также некоторый сдвиг парциальных порогов в сторону общих. Именно поэтому указание общего свойства силы-слабости нервной системы по возбуждению индексом в числителе дроби задает, какая из двух неуравновешенных функций $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ) будет программной (та, которая совпадает своим индексом порога возбуждения с общим свойством силы по возбуждению, указанным в скобках в числителе). При несовпадении же общего и

парциального порогов возбуждения происходит затруднение ответа — это имеет место в случаях мобилизационной и контактной функций.

Указание верхнего индекса в скобках эквивалентно заданию порядка четырех функций, то есть заданию программной функции (порядок остальных трех функций формируется автоматически). Действительно, если бы верхним индексом в скобках было не «В», а «Н», то программной функцией оказалась бы ${}^{\text{H}}\text{Э}_{\text{В}}$, а общий порядок функций в формуле тоже зеркально изменился бы и стал бы соответствовать ЭСИ — *конфликтеру* ИЛЭ. Таким образом, задавая в формуле порядок функций, — подобно тому, как это делается в модели «А», — можно не указывать верхний индекс в скобках (он получается автоматически, совпадая с верхними индексами первых двух функций).

Индекс в знаменателе дроби (нижний индекс в скобках, характеризующий общую силу-слабость нервной системы индивида по торможению) — это то новое в настоящей модели, что отличает её от модели «А», — в модели А. Аугустинавичюте ни он, ни его последствия, порождающие акцентуации ТИМа, вообще не учитываются. Если игнорировать акцентуации ТИМа (как это делается в модели «А»), то оба индекса в скобках можно опустить, в этом случае формула «идеализированного» ИЛЭ (упрощенная модель «Т») будет выглядеть так:

$$(4) \text{ }^{\text{В}}\text{И}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Л}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{С}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{В}}$$

В таком упрощенном виде формула, как мы увидим далее, объясняет и предсказывает все основные известные закономерности соционики (от взаимодействия функций внутри ТИМа до интертипных отношений и признаков Рейнина), игнорируя лишь акцентуации. Формулы 16-ти ТИМов принимают в этом случае вид, приведенный в таблице 2.

Табл. 2

ТИМ	Формула ТИМа (модель «Т»)	Интертипные отношения к ИЛЭ
ИЛЭ	${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Л}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{С}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{В}}$	<i>тождественные</i>
СЭИ	${}^{\text{Н}}\text{С}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{И}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{Л}_{\text{Н}}$	<i>дуальные</i>
ЭСЭ	${}^{\text{В}}\text{Э}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{С}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{И}_{\text{В}}$	<i>активации</i>
ЛИИ	${}^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{И}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Э}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{С}_{\text{Н}}$	<i>зеркальные</i>
ЭИЭ	${}^{\text{В}}\text{Э}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{И}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{С}_{\text{В}}$	<i>приёмник социального заказа</i>
ЛСИ	${}^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{С}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Э}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{И}_{\text{Н}}$	<i>подконтрольный</i>
СЛЭ	${}^{\text{В}}\text{С}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Л}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{И}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{В}}$	<i>деловые</i>
ИЭИ	${}^{\text{Н}}\text{И}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{С}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{Л}_{\text{Н}}$	<i>миражные</i>
СЭЭ	${}^{\text{В}}\text{С}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Э}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{И}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{В}}$	<i>суперэго</i>
ИЛИ	${}^{\text{Н}}\text{И}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{С}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{Э}_{\text{Н}}$	<i>полной противоположности</i>
ЛИЭ	${}^{\text{В}}\text{Л}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{И}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{С}_{\text{В}}$	<i>квазитождественные</i>
ЭСИ	${}^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{С}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Л}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{И}_{\text{Н}}$	<i>потенциально конфликтные</i>
ЛСЭ	${}^{\text{В}}\text{Л}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{С}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{И}_{\text{В}}$	<i>передатчик социального заказа</i>
ЭИИ	${}^{\text{Н}}\text{Э}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{И}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Л}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{С}_{\text{Н}}$	<i>контролёр</i>
ИЭЭ	${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{Э}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{С}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{В}}$	<i>родственные</i>
СЛИ	${}^{\text{Н}}\text{С}_{\text{В}} \text{ }^{\text{Н}}\text{Л}_{\text{Н}} \text{ }^{\text{В}}\text{И}_{\text{В}} \text{ }^{\text{В}}\text{Э}_{\text{Н}}$	<i>полудуальные</i>

Прежде чем перейти — с опорой на приведенные психофизиологические формулы ТИМов — к разбору взаимодействия функций внутри ТИМа и в рамках интертипных отношений, подчеркнем ради ясности дальнейшего изложения несколько важных обстоятельств:

1) По парциальному каналу возбуждения (левый верхний индекс) функция обладает и входом, и выходом. Парциальный возбудительный порог функции определяет, во-первых, оптимальный диапазон интенсивностей сигналов, которые могут возбуждать, активизировать функцию. Если порог определяется индексом «в», это значит, что оптимально восприниматься функцией и возбуждать её способны только сигналы из диапазона **высокой** интенсивности. Если порог определяется индексом «н», то восприниматься функцией и возбуждать её способны только сигналы из диапазона **низкой** интенсивности. Во-вторых, функция

в основном тяготеет к производству сигналов той же интенсивности, которые воспринимает. Поэтому при входном возбудительном пороге «в» на выходе функции преобладают сигналы **высокой** интенсивности, а при входном возбудительном пороге «н» — **низкой**.

2) По каналу торможения (правый нижний индекс) у функции есть только вход. Специализированного «тормозного выхода» у неё нет, поскольку вообще любой сигнал (как порождаемый функциями, так и внешний) может выступать в качестве и возбудительного, и тормозного. Сигналы, поступающие на тормозной вход, не выступают как специализированно-тормозные. Это универсальные сигналы, те же самые, что поступают на возбудительный вход функции. В тормозном канале эти сигналы либо игнорируются (если своей интенсивностью не соответствуют оптимальной полосе чувствительности тормозного канала функции), либо воспринимаются (это происходит в случае соответствия интенсивности сигнала индексу входного тормозного порогового фильтра; для этого высокоинтенсивным сигналам должен соответствовать пороговый индекс «в», низкоинтенсивным — пороговый индекс «н»). Если сигналы тормозным входом воспринимаются, то это приводит к торможению работы функции в виде либо полного обрыва ее деятельности (с переводом фокуса активности на другую функцию), либо обрыва лишь текущей тематической деятельности функции, что сопровождается поворотом в ее работе, перенаправлением ее деятельности на другую тему, иную мысль, иной объект либо образ и т. п. Торможение абсолютно необходимо для управления функцией. Сбои в системе торможения делают функцию «непослушной», негибкой, трудноуправляемой, в крайних случаях — вредоносно навязчивой и ригидной.

3) Вместо восьми функций модели «А», размещенных в двух ее кольцах, модель «Т» имеет дело только с четырьмя функциями. Следуя терминологическим традициям первого кольца модели «А», мы в модели «Т» тоже будем называть функции соответственно их порядку — программной, творческой, контактной и мобилизационной. А что же происходит с функциями второго кольца, неужели модель «Т» их не учитывает? Не учитывает, потому что **на самом деле у индивидуума их нет**. Второе кольцо и для модели «А» понадобилось потому, что без него не удавалось объяснить интертные отношения. Ведь в модели «А» каждая функция может принимать только два состояния, кодируемые ее разным цветом (черным или белым). Но на самом деле каждая функция, даже без учета влияния на нее общих свойств нервной системы по силе-слабости возбуждения и торможения, всего лишь с точки зрения числа комбинаций ее парциальных порогов уже может принимать минимум четыре состояния. Так, для *интуиции* это: ${}^H I_B$; ${}^H I_n$; ${}^B I_B$; ${}^B I_n$. Все эти четыре возможных состояния, описываемые для каждой функции двумя степенями свободы, учитываются в модели «Т». Функции же в модели «А» описываются лишь цветом, то есть одной степенью свободы. Чтобы не пропала вторая степень свободы, и понадобилось еще одно кольцо: благодаря ему, каждая функция в модели «А» фигурирует дважды, а ее интегральное состояние описывается как бы суперпозицией двух функций, что и «протезирует» вторую степень свободы функции, спрятанную в модели «А», но все же ею не потерянную (в отличие от модели «Ю» и тем более типологии Бриггс-Майерс, работающих с функциями, утратившими вообще все информативные состояния и степени свободы).

Введение второго кольца в модели «А» стало несомненным шагом вперед, но одновременно послужило всего лишь математическим приемом (далеко не единственно возможным), позволившим не утратить информацию, содержащуюся в интертных отношениях.

Модель «Т», с нашей точки зрения, больше приближается к реальности. Функция в ней восстанавливает свою целостность (смущавшее умы раздвоение исчезает). С другой стороны, функция наглядно приобретает больше степеней свободы и характеризуется, с учетом одних лишь парциальных порогов, минимум четырьмя состояниями (с учетом же общего для нервной системы порога возбуждения — уже 8-ю состояниями!). Так, в модели «А» стираются наглядные различия между интуицией ИЛЭ и ЛИИ. В обоих случаях — это «*черная*» интуиция, и этим всё сказано. В модели «Т» интуиция ИЛЭ выглядит как ${}^B I_n$, а интуиция ЛИИ — как ${}^H I_n$. Общее между ними — лишь тормозной порог, который и определяет

соционический «цвет» функции. Верхние же индексы остаются разными, объясняя реальные различия между интуицией ИЛЭ и ЛИИ.

Но если для каждого ТИМа функция в модели «Т» реализуется лишь в одном состоянии (надо думать, подлинном состоянии этой функции у данного ТИМа), то куда же пропадают остальные возможные состояния этой функции? Они никуда не пропадают, они реализуются у других ТИМов. Возникает взаимодействие одноименных функций, но с разными индексами, и обуславливает, как мы увидим, многообразие интертипных отношений.

В заключение сделанного замечания, которое представляется нам весьма важным, признаем, что в настоящей достаточно подробной публикации, отчасти «простоты ради», а частью ради избегания дискуссионных моментов, мы все еще не приводим модель «Т» в ее максимально полном и развернутом виде. Приводимый нами и обсуждаемый здесь вид модели достаточно прост, очевиден и нагляден, и — главное — вполне объясняет известные соционические закономерности, предсказывая ряд новых. Возможно, для практических целей этого пока достаточно, и этим ее видом необходимо ограничиться. Полная же формула психофизиологической модели должна, вероятно, учитывать не только наличие **парциальных** и даже не только дополнительно **общих порогов** по возбуждению и торможению, но, возможно, и наличие «частично общих» пороговых фильтров, — например, тех, которые «разводят» взятые вместе функции первой сигнальной системы (*сенсорику* и *этику*) и функции второй сигнальной системы (*интуиции* и *логики*). Возможно, лишь с учетом этих фильтров может быть физиологически и содержательно вполне прояснен механизм таких соционических признаков, как «*демократы-аристократы*», «*квестимы-деклатимы*», «*правые-левые*» и «*позитивисты-негативисты*», и лишь с учетом этих дополнительных фильтров, оппозиционных между сигнальными системами, может стать более физиологически понятной имеющаяся разница между одноименными программными функциями «*родственных*» ТИМов (ИЛЭ и ИЭЭ), содержательно вряд ли сводящаяся только к использованию ими различных творческих функций.

4) Интенсивность сигналов (и значение соответствующих порогов-фильтров) не следует понимать узко, в смысле только физической интенсивности (громкости, яркости, размаха движений, эмоциональной выразительности и т. п.). Физическая интенсивность может играть некоторую роль для первосигнальных функций (*сенсорной* и *этической*), но для второсигнальных функций, для *логики* и *интуиции*, физическая интенсивность сигнала почти теряет смысл. В их случае различие в интенсивностях сигнала приобретает для внешнего наблюдателя, благодаря происходящей в мозгу внутренней информационной перекодировке, не столько количественный, сколько качественный характер. Так, слабый сигнал для *логики* — это часть, деталь и их структурная организация, мелкая логическая связка частного порядка, легкая задача. Сильный *логический* сигнал — структура интегрального целого, трудная задача, интенсивная и трудная физическая работа.

Взаимодействие функций внутри одного ТИМа

Рассмотрим пример ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_n$ ${}^{\text{В}}\text{Л}_v$ ${}^{\text{С}}\text{С}_n$ ${}^{\text{Э}}\text{Э}_v$). По своей взаимосвязанности функции ТИМа довольно четко распадаются на два блока. Первый блок объединяет программную и творческую функции, имеющие почти одинаково высокий порог возбуждения. Благодаря одинаковой (сильносигнальной) полосе пропускания входного возбудительного фильтра эти функции могут взаимно возбуждать, стимулировать друг друга своими сигналами — тоже преимущественно сильносигнальными. Второй сравнительно изолированный блок образуют мобилизационная *этика* и контактная *сенсорика* $\blacktriangle\square$ (ИЛЭ), имеющие низкие входные возбуждательные пороги, фильтры которых настроены на слабосигнальную стимуляцию. Эти функции также могут возбуждать и поддерживать друг друга своими исходящими сигналами низкой интенсивности. Возбуждение с одного блока переходит на другой лишь с трудом — для этого требуется энергозатратное адаптационное напряжение индивида, по видимому, как бы меняющее на время высоту входных фильтров. Правда, помимо этого

функции каждого блока могут «притормаживать» (и притормаживают) неуравновешенную функцию другого блока. Но этим они только еще более изолируют себя от другого блока функций. Таким образом, интуиция и логика ▲□ (ИЛЭ) предпочитают работать в паре, игнорируя другие функции. То же можно сказать об *этике с сенсорикой*. Благодаря же торможению, распространяющемуся с работающей пары функций на тормозной вход неуравновешенной функции другой пары, подчеркивается требование: «когда наши две функции работают, остальные должны молчать».

Какая пара работает чаще? Понятно, что первая. Ее высокосигнальные (в случае ИЛЭ) входные пороги, как указывалось в предыдущих разделах статьи, соответствуют **высокосигнальному общему входному фильтру** индивида, обязательному для экстравертов. Низкосигнальная же полоса пропускания входных фильтров функций второй пары вступает в противоречие с высокосигнальной настройкой общего входного фильтра на канале возбуждения *экстравертного* индивида, а это ослабляет вероятность ответной реакции соответствующих функций, поэтому в ответ на внешние сигналы они в среднем во времени включаются и работают реже и меньше.

Каково распределение ролей внутри каждой пары функций? В первой паре неуравновешена по своим порогам (возбудительному и тормозному) программная функция, — в случае ИЛЭ это *интуиция*. Ее неуравновешенность проявляется в том, что своими собственными сигналами (преимущественно высокоинтенсивными) она не может себя эффективно тормозить, так как ее тормозной вход требует низкоинтенсивных сигналов. Поэтому для любой программной функции проблемно переключение на другую тему, вытеснение уже неактуального и т. д. И вообще в работе ей трудно остановиться. Поэтому ее роль — постоянно беспокоиться, упрямо настаивать на своем, без повода возвращаться к пройденному и весьма требовательно и капризно управлять творческой функцией, заставляя ее, по сути, «бегать туда-сюда» в зависимости от капризов функции программной.

Почему творческая функция оказывается столь послушной и гибкой? Потому что оба ее входа, и возбудительный и тормозной, имеют одинаковую настройку фильтра. В случае ▲□ (ИЛЭ) — настройку на высокоинтенсивные сигналы. Поэтому, во-первых, творческая функция хорошо и легко управляема «внутри себя», — своими собственными сигналами она способна себя притормаживать, легко менять свое направление, свою тему работы. Во-вторых, оба ее входа, и возбудительный и тормозной, оказываются легкодоступными для высокоинтенсивных сигналов с выхода программной функции ИЛЭ — по этой причине программная функция, сама по себе (в силу своей неуравновешенности) инертная и ригидная, получает доступ к оперативному управлению творческой функцией (ее возбуждению, торможению, направлению, перенаправлению и т. д.). Творческая же функция своими сигналами способна действовать лишь на возбудительный вход программной функции, чем постоянно её стимулирует и тем самым поддерживает ее доминирующую роль.

В общем-то, точно такая же картина складывается и в паре мобилизационной и контактной функций, где неуравновешенная мобилизационная функция также играет роль «задающей тон». Однако работа этой второй функциональной пары из-за ее несоответствия общему входному по возбуждению порогу индивида начинается в ответ на внешнюю стимуляцию гораздо реже.

Но действительно ли столь изолированы друг от друга творческая и контактная функция, неужели они не могут работать в паре, «забыв» о программной и мобилизационной? Они, наверное, были бы серьезно изолированы друг от друга, если бы ситуация с порогами была столь простой и идеальной, как это изображено в модели для ТИМа ИЛЭ. В действительности же эксперимент показывает, что различие порогов между творческим и контактным положениями функции все же немного меньше, чем между её программным и мобилизационным положениями (табл. 3). О чем это свидетельствует? О том, что возбудительные пороги функций меняются не скачком, при переходе лишь от второй функции к третьей, а мелкими ступеньками. Сначала от первой ко второй, затем от второй к третьей (всё же самая большая ступенька), затем от третьей к четвертой. В случае *экстраверта* ИЛЭ это зна-

чит, что в реальности наивысший возбудительный порог у программной функции, у творческой же функции порог тоже высокий, но все-таки пониже, а еще ниже порог у контактной функции, и самый низкий — у функции мобилизационной. Это приводит к тому, что разница возбудительных порогов между программной и мобилизационной функциями действительно очень велика, она позволяет им только тормозить, но никак не возбуждать друг друга. А вот между второй (творческой) и третьей (контактной) функциями разница возбудительных порогов уже не столь велика, — эти функции с трудом, но всё же могут взаимодействовать между собой, взаимно друг друга стимулируя. Возможно, тормозить им друг друга действительно очень трудно (возможно — потому что окончательного экспериментального ответа на этот вопрос пока нет), но слегка возбуждать — пожалуйста. И парная работа этих функций (хотя и затрудненная, для поддержания постоянно нуждающаяся во внешней сигнальной стимуляции) действительно становится возможной и даже типичной для ситуаций, где требования к уравновешенной гибкости и управляемой подвижности функций повышаются, а «голос» инертной и слишком серьезно к себе и к своим проблемам относящейся программной функции становится нежелательным. Типичная ситуация такого рода — это ситуация «салонного флирта».

Табл. 3 Эмпирические значения возбудительных порогов в условных единицах (нормированные относительно популяционного среднего), рассчитанные по анкетам для функций в различных позициях. Расчет по 400 испытуемым для каждого порога. Пороги интровертов ради уравнивания с экстравертами взяты при расчетах с противоположным знаком.

	программная	творческая	контактная	мобилизационная
<i>логика</i>	1,42	1,72	-1,44	-1,28
<i>этика</i>	1,15	1,74	-1,41	-1,41
<i>интуиция</i>	2,24	2,23	-0,77	-0,91
<i>сенсорика</i>	2,46	0,96	-1,07	-1,78
среднее по функциям	1,82	1,66	-1,17	-1,35

«Салонный флирт» — это ситуация общения в большой и случайной, разношерстной компании (корпоративная вечеринка или посиделки малознакомых людей у туристического костра — типичные ее примеры). Во-первых, подобные ситуации «плохо смотрят» на чрезмерную серьезность и инертность, характерную для программных функций. Во-вторых, они требуют поверхностного, но гибкого, легкого, быстро переключаемого общения. В результате программная функция притормаживается активизировавшейся контактной, но всё же продолжает при этом работать в «наблюдающем», фоновом режиме, хотя помалкивает и «ослабляет вожжи» творческой функции. Творческая функция вступает в более тесный альянс с контактной (взаимно стимулируя друг друга) и вместе с нею в салонной болтовне осуществляет зондаж окружающей публики — результаты этого зондажа подмечаются и впоследствии используются функцией программной. Информационный обмен (по различным функциональным каналам) между людьми в салоне — это не цель общения, а лишь средство зондажа. Поэтому общение принимает тут форму легкомысленной гибкой игры, и гибкие функции — творческая и контактная — оказываются наиболее адекватными инструментами. Каждая из этих двух функций осуществляет — внутри себя — гибкую саморегуляцию.

Характерно, что в салоне интересы людей как будто кардинально меняются по сравнению с их домашними интересами. Действительно, *интуитивные логики* ИЛЭ, ИЛИ и *этические сенсорики* ЭСИ, ЭСЭ в салоне предпочитают *логико-сенсорные* темы клуба *практиков*, связанные с теми или иными технологиями. ЛИИ, ЛИЭ и их *конфликтеры* СЭЭ, СЭИ, не будучи *гуманитариями*, в салоне превращаются в членов клуба *гуманитариев*, и охотно ведут разговоры о Кастанеде, о привидениях, инициируют и поддерживают шутки и розыгрыши. ЛСИ на время превращается в «социала» и дает советы о здоровье, одежде и кулинарных рецептах. ЭИЭ начинает «грузить» присутствующих сугубо научными темами и научными разговорами, будто записавшись в клуб «исследователей» (хотя и делает это в

порядке игры и флирта, легко останавливаясь и переключаясь), и т. д., и т. п. И всё потому, что доминирующую роль в салоне приобретают творческая и контактная функции.

Поскольку обе уравновешенные функции сравнительно приближены к равновесному центру дихотомии «слабые-сильные», а в своей суммарной деятельности тем паче показывают некий амбивертно-средний порог возбуждения, можно ждать, что *экстраверт* во время салонной болтовни станет более тихим, а *интроверт* — более шумным. Что обычно и происходит.

Психофизиологический разбор интертных отношений

Отношения с дуалом

Дуал для ИЛЭ (${}^B I_n {}^B L_n {}^H C_n {}^H E_n$) — СЭИ (${}^H C_n {}^H E_n {}^B I_n {}^B L_n$). В ситуациях общения функции индивида взаимодействуют с одноименными функциями окружающих (*логика* — с *логикой*, *сенсорика* — с *сенсорикой*, и т. д.). Если партнер один, то каждая функция общается с одноименной функцией партнера.

Программная интуиция ИЛЭ своими высокоинтенсивными сигналами легко действует как на канал возбуждения, так и на канал торможения *контактной* интуиции СЭИ. В результате интуиция СЭИ управляемо стимулируется, попадая в подчиненное управление к интуиции $\blacktriangle \square$ (ИЛЭ). Обратное воздействие со стороны интуиции СЭИ на интуицию ИЛЭ может лишь возбуждать интуицию ИЛЭ, но не может ее тормозить — из-за несоответствия её порогового тормозного фильтра, требующего лишь слабых, низкоинтенсивных сигналов, которые не может дать «сильносигнальная» интуиция СЭИ. То же происходит в направлении от СЭИ по отношению к *сенсорике* $\blacktriangle \square$ (ИЛЭ): как ее возбудительный, так и тормозной вход соответствуют низкой интенсивности сигналов программной *сенсорике* СЭИ, которая и захватывает над *контактной сенсорикой* ИЛЭ управление. Обратное действие на СЭИ со стороны *контактной сенсорике* ИЛЭ лишь стимулирующее, но не тормозящее, поэтому *сенсорное* управление, *сенсорная* манипуляция осуществляется лишь в одну сторону: от СЭИ к ИЛЭ.

Что происходит с творческой и мобилизационной функцией *дуалов*? Творческая *этика* СЭИ своими слабоинтенсивными исходящими сигналами стимулирует, возбуждает мобилизационную *этику* ИЛЭ, но тормозит ее, управлять ею не может. В свою очередь, искусственно возбужденная внешней стимуляцией от СЭИ *этика* ИЛЭ усиливает свои управляющие влияния на его *сенсорику*. Тем самым *контактная сенсорика* ИЛЭ начинает реально управляться не только со стороны программной *сенсорике* СЭИ, но и со стороны собственной мобилизационной функции. По мере стимуляции мобилизационной *этики* ИЛЭ, усиливаются и ее встречные управляющие влияния на творческую *этику* СЭИ. Ввиду иерархической слабости мобилизационной функции и связанной с этим неизбежной фрагментарности ее работы, управляющие влияния на творческую функцию *дуала* не приобретают характера господства, но возможность направлять и получать нужный отклик все же появляется.

Естественно, аналогичная картина наблюдается и в симметрично обратном направлении, от ИЛЭ к СЭИ, у которого также оживляется его мобилизационная функция (то есть четвертая в модели «Т»), усиливается ее влияние на собственную *контактную* функцию и на творческую функцию *дуала*.

Подведем итоги *дуального* взаимодействия. У каждого участника отношений происходит незначительное оживление программной функции. Более выражено оживление четвертой, мобилизационной функции, мягко стимулируемой творческой функцией *дуала* (мягкость стимуляции достигается тем, что творческая функция *дуала* может в обратном направлении управляться и тормозиться со стороны возбуждаемой ею мобилизационной функции индивида). Благодаря оживлению мобилизационной функции и стимулирующе-управляющему влиянию как с ее стороны, так и со стороны программной функции *дуала*, существенно оживляется третья, *контактная* функция индивида. Что касается взаимного

управления, то контактная функция попадает в довольно сильную зависимость к программной функции *дуала*, в то время как творческая функция индивида всего лишь усиливает свою чувствительность к заказам со стороны малоактивной мобилизационной функции *дуала*, сохраняя в основном управляемость со стороны собственной программной функции. Общий итог: оживление и осязаемое выравнивание в работе всех функций, при этом творческая и контактная функции попадают как бы в совместное управление, где в отношении творческой функции продолжает преобладать собственное влияние, а в отношении контактной — преобладает влияние *дуала*.

Отношения с конфликтером

Конфликтёр у ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_n \text{ } {}^{\text{В}}\text{Л}_v \text{ } {}^{\text{H}}\text{С}_n \text{ } {}^{\text{H}}\text{Э}_v$) — ЭСИ (${}^{\text{H}}\text{Э}_v \text{ } {}^{\text{H}}\text{С}_n \text{ } {}^{\text{В}}\text{Л}_v \text{ } {}^{\text{В}}\text{И}_n$). Мобилизационная этика ИЛЭ испытывает резкое возбуждающее влияние со стороны программной *этики конфликтёра*. В отличие от возбуждения со стороны творческой функции *дуала*, возбуждение мобилизационной функции *конфликтером* лишено петли обратной тормозящей связи, возбуждаемая мобилизационная функция индивида не может своим встречным тормозящим влиянием умерить «пыл» программной функции *конфликтера*. Чем сильнее «разгорается» мобилизационная функция, тем сильнее она возбуждает и программную функцию *конфликтера*, не оказывая на нее, однако, никакого тормозящего воздействия. Но если программная функция *конфликтера* может без истощения работать постоянно, то постоянное включение мобилизационной функции индивида требует очень больших адаптационных напряжений и психических энерготрат, что вызывает быстрое утомление. Однако творческая и контактная функции индивида находят полное взаимопонимание соответственно с контактной и творческими функциями *конфликтера* (одинаковость порогов), при этом сохраняется очень мягкое доминирование творческой функции индивида над контактной функцией *конфликтера*, а творческой *конфликтера* — над контактной индивида.

Творческая и контактная функции — это гибкая манипулятивная пара, традиционно используемая в ситуациях т. н. «салонного флирта», то есть при поверхностных контактах с новыми людьми. Поэтому ярко выявляемая при таких контактах глубокая «синтонность» этих функций с *конфликтером*, напоминающая отношения с *тождиком*, вполне может на время очень подкупать иллюзией хорошего взаимодействия и взаимопонимания. Однако эта иллюзия возможна лишь в ситуациях «салонного флирта», игры, пока программные функции молчат, и заканчивается немедленно при дальнейшем сближении и углублении отношений. Как только программные функции начинают задавать тон, они быстро вызывают взаимное и почти «физическое» истощение мобилизационных функций. В первую очередь появляется раздражение от осознания непреодолимой пропасти между системами ценностей. Когда сын-СЭЭ начинает тянуть деньги из отца-ЛИИ, тот начинает его тихо ненавидеть («Ты хоть одну книжку за этот год прочел? Жадины и вымогатели только в бандитах могут сделать карьеру!»). В свою очередь, СЭЭ не может скрыть искреннего презрения к возне ЛИИ с его любимыми расчетами и бумажками («А деньги-то от этого где, папаша?»).

Итак, при общении *конфликтеров* стимулируется программная функция, а мобилизационная (левая) функция — попадает в неуправляемый резонанс. Творческая и контактная функции работают совместно и синтонно с контактной и творческой функцией *конфликтера*, что при поверхностном общении (в условиях маскировки программной функции, например, при легком «салонном флирте») может создавать иллюзию комфортного взаимодействия и взаимопонимания.

Отношения с приемником социального заказа

У выступающего в роли «заказчика» ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_n \text{ } {}^{\text{В}}\text{Л}_v \text{ } {}^{\text{H}}\text{С}_n \text{ } {}^{\text{H}}\text{Э}_v$) — это ЭИЭ (${}^{\text{В}}\text{Э}_n \text{ } {}^{\text{В}}\text{И}_v \text{ } {}^{\text{H}}\text{Л}_n \text{ } {}^{\text{H}}\text{С}_v$). Важно, что это — асимметричное отношение. Посмотрим, как рождается асимметрия этой диады из нашей психофизиологической модели.

Программная функция ИЛЭ (в данном конкретном случае — *интуиция*) осуществляет управление творческой функцией *подзаказного* как по каналу возбуждения, так и по каналу торможения. В обратном направлении программная функция *Заказчика* лишь возбуждается и усиливается. Творческая функция *Заказчика* не взаимодействует с одноименной контактной функцией *Подзаказного* — у них существенно разные пороги. Контактная функция *Заказчика* усиливает (но не тормозит) мобилизационную функцию *Подзаказного*, однако мобилизационная функция *Подзаказного* способна в обратном направлении управлять как возбуждающим, так и тормозным входами контактной функции *Заказчика*. Поэтому стимуляция мобилизационной функции оказывается для *Подзаказного* необременительной. Мобилизационная функция *Заказчика* тормозит (но не возбуждает) программную функцию *Подзаказного*. То же, и в еще большей степени, происходит в обратном направлении: доминирующая программная функция *Подзаказного* тормозит и подавляет мобилизационную функцию *Заказчика*.

Асимметрия взаимоотношений состоит в том, что *Заказчик* своей доминирующей программной функцией берет под плотный управляющий контроль творческую функцию *Подзаказного* и одновременно своей мобилизационной функцией слегка притормаживает программную функцию *Подзаказного*. При этом программная функция *Заказчика* лишь стимулируется и усиливается, а его творческая функция вообще не взаимодействует с одноименной контактной функцией *Подзаказного*. Для воздействия на *Заказчика* *Подзаказный* может и вынужден использовать лишь свою энергозатратную мобилизационную функцию. Своей программной функцией он также активно подавляет мобилизационную функцию *Заказчика*, чего *Заказчик*, в силу «задвинутости» мобилизационной функции в дальний иерархический угол, скорее всего, вообще не замечает.

Отношения с передатчиком социального заказа

То же, что и в предыдущем пункте, но в обратном направлении. Отношения точно так же оказываются асимметричными, но на этот раз в пользу ЛСИ и не в пользу ИЛЭ.

Отношения с подконтрольным

Подконтрольный у ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{н}} {}^{\text{Л}}_{\text{в}} {}^{\text{С}}_{\text{н}} {}^{\text{Э}}_{\text{в}}$) — ЛСИ (${}^{\text{Л}}_{\text{в}} {}^{\text{С}}_{\text{н}} {}^{\text{Э}}_{\text{в}} {}^{\text{В}}\text{И}_{\text{н}}$).

В этом случае по *интуиции* (программной для контролера и мобилизационной для подконтрольного) происходит взаимное резонансное усиление, легко терпимое и незаметное для *контролера* и весьма болезненное для *подконтрольного*, вынужденного в общении с *контролером* напрягать в «стайерском» режиме свою «спринтерскую» и энергозатратную мобилизационную функцию. Ситуация в этом смысле подобна близкому общению с *конфликтером*, только в этом случае отношения оказываются асимметричными — страдает мобилизационная функция лишь одного *подконтрольного*.

По *логической* функции, творческой для ИЛЭ и программной для его *подконтрольного* ЛСИ, творческая *логика* ИЛЭ полностью подавляет программную *логику* его *подконтрольного*, действуя на тормозной канал. Обратное же воздействие вообще не осуществляется, так как низкосигнальная *логика* ЛСИ не способна действовать ни на возбуждающий, ни на тормозной вход логики ИЛЭ. Таким образом, *контролер* вообще не замечает программной функции своего *подконтрольного*, а программная функция *подконтрольного* тормозится, подавляется из-за взаимодействия с творческой функцией *контролера*.

По *сенсорике* (контактной для *контролера* ИЛЭ и творческой для *подконтрольного* ЛСИ) происходит взаимное синтонное слияние со взаимным возбуждением и торможением (одинаковость всех порогов), то есть с совместным управлением этой функцией. По сути дела, это единственная функция, в которой *подконтрольный* имеет шанс реализоваться в отношениях со своим *контролером*, но и то лишь на равных.

Что касается последней оставшейся функции, *этики* (мобилизационной для *контролера* и контактной для *подконтрольного*), то контактная функция *подконтрольного* тормозит и подавляет мобилизационную функцию *контролера* (смотри пороги!), сама же она при-

сутствие этой подавляемой функции партнера как бы вообще не замечает (даже если бы мобилизационная функция *контролера* и не была подавлена, то из-за несоответствия порогов она все равно не смогла бы воздействовать ни на возбудительный, ни на тормозной входы контактной функции *подконтрольного*). Таким образом, редко и эпизодически используемая контактная функция *подконтрольного* берет верх над еще более редко используемой мобилизационной функцией *контролера*, что для *подконтрольного*, очевидно, является весьма слабым утешением. Асимметрия взаимоотношений налицо. Чем сильнее выражена общая *вертность контролера* и *подконтрольного*, тем заметней выражена и асимметрия их отношений. Давление *контролера* на *подконтрольного* может быть столь велико и неприятно, что даже ТИМы первой квадры («*рассудительные*», «*демократы*») зачастую испытывают к своим ТИМам-*контролерам* нечто вроде ксенофобии. ЛСИ, надо подумать, также не терпят в своем окружении «*контролеров*» с ТИМом ИЛЭ.

Отношения с контролером

То же, что и в предыдущем пункте, но в обратном направлении. Отношения точно так же оказываются резко асимметричными, но на этот раз в пользу ЭИИ и не в пользу ИЛЭ.

Отношения активации

Для ИЛЭ (${}^{\text{в}}\text{И}_n$ ${}^{\text{л}}\text{Л}_v$ ${}^{\text{с}}\text{С}_n$ ${}^{\text{э}}\text{Э}_v$) они возникают с ЭСЭ (${}^{\text{э}}\text{Э}_n$ ${}^{\text{с}}\text{С}_v$ ${}^{\text{л}}\text{Л}_n$ ${}^{\text{и}}\text{И}_v$). Отношения вполне симметричные. Программная функция одного партнера своими сигналами тормозит мобилизационную функцию другого партнера. Мобилизационная функция каждого из них оказывает на программную функцию другого такое же тормозящее действие, но из-за иерархической слабости мобилизационной функции это тормозящее действие оказывается менее выраженным. Что касается творческой и контактной функций партнеров, то они мало замечают одноименную функцию партнера из-за слабого соответствия порогов (в предыдущих разделах мы отмечали, что высокие пороги второй функции и низкие пороги третьей функции не такие уж высокие и низкие, на самом деле обе функции приближены к амбивертности, поэтому небольшое взаимодействие между ними у партнеров все же происходит). Если на творческую функцию появление *активатора* оказывает слабое стимулирующее влияние, то контактная функция тоже получает это влияние со стороны творческой функции *активатора*. К этому добавляется ослабление управляющих воздействий на контактную функцию со стороны собственной мобилизационной функции, которая в общении с активатором энергично подавляется.

К чему в целом приводят отношения *активации*? Результат состоит в притормаживании программной функции и резком торможении мобилизационной функции и в усилении самостоятельной роли творческой и контактной функций, которые входят в диалог и друг с другом, и — в меньшей степени — с соответствующими функциями *активатора* (вперекрест). Как это было выше описано для ситуации «салонного флирта», усиливается «спаривание» творческой и контактной функций, начинающих поддерживать друг друга и работать во взаимодействии. Это приводит к тому, что демонстрируемая индивидом клубно-соционическая принадлежность меняется. Оба ТИМа из рассмотренного примера будто переходят в другой, чужой для себя соционический клуб, в данном примере в общий клуб «*практиков*», в рамках которого и налаживают между собой информационный обмен.

Зеркальные отношения

Для ИЛЭ (${}^{\text{в}}\text{И}_n$ ${}^{\text{л}}\text{Л}_v$ ${}^{\text{с}}\text{С}_n$ ${}^{\text{э}}\text{Э}_v$) они возникают с ЛИИ (${}^{\text{л}}\text{Л}_v$ ${}^{\text{и}}\text{И}_n$ ${}^{\text{э}}\text{Э}_v$ ${}^{\text{с}}\text{С}_n$). Программная функция каждого участника тормозится творческой функцией другого (так, в нашем случае низкосигнальная *интуиция* ЛИИ эффективно действует на тормозной низкосигнальный вход программной *интуиции* ИЛЭ, однако по возбудительному каналу «стыковки» оптимальных интенсивностей не происходит, отчего тормозное воздействие не уравновешивается возбудительным). Творческая функция любого участника не испытывает чужих влияний (существенная нестыковка порогов). Однако ее самостоятельная роль возрастает, как и в случае

отношений *активации*, из-за ослабления собственной программной функции, а потому ослабления также и ее управляющего «программного» влияния. Третья, контактная функция тоже не испытывает посторонних влияний, но сама при этом тормозящим образом действует на одноименную мобилизационную функцию партнера. В результате мобилизационная функция каждого из участников притормаживается.

В конечном итоге складывается ситуация, отчасти качественно похожая на отношения *активации*, с итоговым возрастанием самостоятельной роли творческой функции и контактной функции каждого из участников. Творческая и контактная функции каждого из участников в отдельности входят в более тесный информационный обмен между собою благодаря сравнительной близости порогов (как указывалось, высокий порог второй функции не слишком сильно отличается от низкого порога третьей функции).

Однако явное отличие от ситуации отношений *активации* состоит в том, что в случае *зеркальных* отношений положительного взаимодействия с функциями партнера практически не происходит, информационный обмен остается сильно затрудненным (ИЛЭ переходит на язык *логики и сенсорики*, а ЛИИ — на язык *интуиции и этики*).

Деловые отношения

У ИЛЭ (${}^B I_n {}^B L_n {}^H C_n {}^H \Theta_n$) они возникают со СЛЭ (${}^B C_n {}^B L_n {}^H I_n {}^H \Theta_n$). Исходя из значений порогов, нетрудно видеть, что программная функция каждого из партнеров тормозится и ослабляется контактной функцией другого партнера. Контактные же функции воздействия со стороны одноименных функций партнеров не испытывают (нестыковка порогов). Творческая функция каждого из партнеров полностью совпадает (и названием, и всеми порогами) с творческой функцией другого партнера, что вызывает их синтонное резонансное взаимодействие с тонкой взаимной управляемостью — надо думать, по этой причине отношения и получили название «*деловых*». Мобилизационные функции также совпадают и названиями, и всеми порогами. Однако из-за неравенства тормозного и возбуждательного порогов взаимного синтонного управления, равно как и вообще торможения этих функций, не происходит. Происходит лишь их резонансное усиление, которое не оказывается слишком обременительным для каждого из участников, так как в резонанс с обеих сторон вступают субдоминантные функции. Поскольку в результате *деловых* отношений активизируются обе функции субдоминантной *нальности*, в рамках деловых отношений *нальные* черты любого из партнеров как бы нивелируются. *Рационалы* становятся более *иррациональными*, *иррационалы* — более *рациональными*. Фактически, *деловые* отношения инициируют у их участников наведенную инициальную акцентуацию.

Родственные отношения

У ИЛЭ (${}^B I_n {}^B L_n {}^H C_n {}^H \Theta_n$) они возникают с ИЭЭ (${}^B I_n {}^B \Theta_n {}^H C_n {}^H L_n$). Программные и контактные функции партнеров тождественны и детально совпадают — и названием, и порогами. Программные функции входят в резонанс по каналам возбуждения и усиливаются. Контактные функции, у которых совпадают все пороги, — и по возбуждению, и по торможению, входят в режим резонансно-синтонного взаимопереплетенного соуправления. Однако их стимуляция и управление со стороны соответствующих мобилизационных функций ослабевает, так как ослабевают сами мобилизационные функции: они тормозятся со стороны творческих функций партнеров. Творческие функции не испытывают влияния со стороны одноименных функций партнеров.

Общая картина выглядит как резонансное усиление программных функций, неизменное состояние творческих, синтонное слияние контактных функций партнеров с ослаблением их зависимости от собственных мобилизационных, мобилизационные функции подавляются. Картина в целом отчасти напоминает спровоцированную (наведенную) терминальную акцентуацию.

Миражные отношения

У ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{н}}$ ${}^{\text{В}}\text{Л}_{\text{в}}$ ${}^{\text{С}}\text{С}_{\text{н}}$ ${}^{\text{Э}}\text{Э}_{\text{в}}$) они возникают с ИЭИ (${}^{\text{И}}\text{И}_{\text{в}}$ ${}^{\text{Э}}\text{Э}_{\text{н}}$ ${}^{\text{С}}\text{С}_{\text{в}}$ ${}^{\text{Л}}\text{Л}_{\text{н}}$).

Одноименные программные функции партнеров подавляют друг друга (из-за несовпадения порогов возбуждающих входов усиление не возникает, а взаимное торможение происходит в полной мере — интенсивность сигнала на выходе каждой функции вполне соответствует полосе пропускания тормозного входа функции партнера). Мобилизационная функция одного партнера взаимодействует с творческой функцией другого. В результате мобилизационная функция умеренно усиливается, получая также контроль над творческой функцией партнера. Контактные функции партнеров одноименны и слабо стимулируют друг друга (так как для второй и третьей позиций различия в высоте возбуждательных порогов не очень существенны и важны).

Как окончательное следствие у каждого участника *миражных* отношений резко ослабляется роль программной функции, ей на смену приходит мягко возрастающая роль мобилизационной и отчасти контактной функций. Связь творческой функции с программной частично слабеет, но возрастает ее резонансная связь с мобилизационной функцией партнера. Активация мобилизационной функции не приводит к дискомфорту, — так мобилизационная функция сохраняет контроль над активирующей ее творческой функцией партнера.

Продуктивное общение между партнерами происходит преимущественно на языке их творческой, мобилизационной и контактной функций, причем «активная речь» (воздействующая на партнера) возможна лишь по каналам мобилизационной и, в меньшей мере, контактной функций.

Тождественные отношения

У ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{н}}$ ${}^{\text{В}}\text{Л}_{\text{в}}$ ${}^{\text{С}}\text{С}_{\text{н}}$ ${}^{\text{Э}}\text{Э}_{\text{в}}$) они возникают с другим ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{н}}$ ${}^{\text{В}}\text{Л}_{\text{в}}$ ${}^{\text{С}}\text{С}_{\text{н}}$ ${}^{\text{Э}}\text{Э}_{\text{в}}$). Программные функции в таком общении резонансно усиливаются, увеличивая свою неуравновешенность (продуцируемый ими и резонансно усиленный сигнал не действует на тормозной вход из-за несовпадения порогов). Творческие функции партнеров как бы «обобщаются», образуют тесно переплетенное синтонное слияние, осуществляя взаимное возбуждающее и тормозящее влияние друг на друга; то же происходит с контактными функциями. Мобилизационные функции резонансно усиливаются наподобие программных, однако степень этого усиления существенно ниже — из-за исходной подавленности, субдоминантности мобилизационных функций. Отношения достаточно комфортны и используют все функции партнеров. Общение между партнерами может происходить на языке любых функций, хотя наиболее приспособленными к диалогу оказываются, разумеется, уравновешенные функции с внутренним и внешним взаимным управлением: творческая и контактная.

Квазитождественные отношения

У ИЛЭ (${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{н}}$ ${}^{\text{В}}\text{Л}_{\text{в}}$ ${}^{\text{С}}\text{С}_{\text{н}}$ ${}^{\text{Э}}\text{Э}_{\text{в}}$) они возникают с ЛИЭ (${}^{\text{В}}\text{Л}_{\text{н}}$ ${}^{\text{В}}\text{И}_{\text{в}}$ ${}^{\text{Э}}\text{Э}_{\text{н}}$ ${}^{\text{С}}\text{С}_{\text{в}}$). Программная функция по каналу возбуждения входит в резонанс с творческой функцией партнера, благодаря чему усиливаются обе эти функции, а творческая функция, к тому же, начинает гибко реагировать на заказы программной функции партнера (управляясь ею как по каналу возбуждения, так и по каналу своего торможения). То же происходит с контактной и мобилизационной функциями. Они тоже взаимно резонансно усиливаются, при этом контактная функция каждого из партнеров начинает частично управляться не только своей собственной мобилизационной функцией, но и мобилизационной функцией партнера по общению. Как и в случае тождественных отношений, в общении между партнерами эффективно используются все четыре функции. Отличие *квазитождественных* отношений состоит, исходя из психофизиологической картины взаимодействия функций, в том, что у партнеров усиливается «командно-административная» роль их программных и частично мобилизационных функций, в подчинение к которым поступают также творческая и контактная функции партнеров. Самостоятельная же креативная роль творческой и контактной функций, напротив, ослабляется. В частности, должно затрудняться «спаривание» творческой и контактной функций каждого

в отдельности субъекта. В известном смысле, всё это должно быть частично эквивалентно эффекту наведенной терминальной акцентуации.

В случае же *тождественных* отношений картина была обратная: там творческая и контактная функции в ходе общения партнеров в известном смысле «отрывались» от своих обычных «хозяев-распорядителей»: программной и мобилизационной функций, начинали жить более самостоятельной жизнью (хоть и не креативной, а скорее коммуникативной), осуществляя тесное общение с аналогичной функцией партнера. При этом в случае *тождественных* отношений внутреннее «спаривание» творческой и контактной функций, в отличие от *квазитожественных* отношений, несколько облегчалось.

Отношения полной противоположности

У ИЛЭ (${}^B I_n {}^B L_n {}^B C_n {}^B \Delta_n$) они возникают с ИЛИ (${}^H I_n {}^H L_n {}^B C_n {}^B \Delta_n$). Все функции партнеров совпадают названиями, но принципиально не совпадают порогами. Некоторое весьма умеренное взаимостимулирующее взаимодействие возможно между творческими и контактными функциями, не слишком сильно отличающимися у партнеров своими порогами. Программные функции партнеров энергично подавляют друг друга (выходы этих функций не соответствуют пороговым фильтрам возбуждения одноименных функций партнера, но зато соответствуют пороговым фильтрам торможения этих функций). То же происходит с мобилизационными функциями.

Общение тяготеет к использованию творческой и контактной функций и поэтому склонно переходить на язык их клуба (в приведенном примере — на язык клуба «*практиков*»). В целом, в ходе подобного общения может возникать раздражение с ощущением того, что партнеры не очень хорошо слышат и понимают друг друга, а также из-за ощущения вакуума целей, возникающего при общении (из-за подавления программной и мобилизационной функций).

Отношения суперэго

У ИЛЭ (${}^B I_n {}^B L_n {}^B C_n {}^B \Delta_n$) они возникают с СЭЭ (${}^B C_n {}^B \Delta_n {}^H I_n {}^H L_n$). Программная функция одного партнера взаимодействует с контактной функцией другого. При этом контактная функция тормозит, подавляет программную, сама же не испытывает воздействия. Творческая функция одного партнера подавляет мобилизационную функцию другого партнера, сама также не испытывая встречного воздействия. Таким образом, в отношениях *суперэго* у каждого участника подавляются неуравновешенные функции (программная и мобилизационная), в то время как работа уравновешенных функций — творческой и контактной — остается без изменений (не стимулируется и не затрудняется). Не считая одностороннего торможения неуравновешенных функций, иного информационного обмена между функциями участников не происходит. Из-за притормаживания неуравновешенных функций и отсутствия обратной связи с функциями партнера (по любой из четырех функций) у участников общения должно складываться ощущение поверхностности контакта, а также невозможности проникнуть «в суть» партнера, некоей незримой стены, мешающей слушать, слышать и понимать друг друга. По возникающему окончательному эффекту отношения *суперэго* должны напоминать ощущения, возникающие от отношений *полной противоположности*. Отличие состоит, пожалуй, в отсутствии разочарования. В случае отношений *полной противоположности* по результату общения может возникать некоторое разочарование — вследствие изначальной общности интересов партнеров, принадлежащих к одному соционическому клубу. В случае же отношений *суперэго* клубы изначальны разные, начальной общности интересов нет, и общение лишь подтверждает невозможность глубокого взаимозаинтересованного контакта. Второе отличие — в том, что в случае отношений *суперэго* информационный обмен между партнерами еще более затруднен (в случае отношений *полной противоположности* он пусть и в слегка затрудненной форме, но все же происходил в рамках общего клуба центральных функций, творческой и контактной).

Полудуальные отношения

У ИЛЭ (${}^B I_H {}^B L_B {}^H C_H {}^B \Theta_B$) они возникают со СЛИ (${}^H C_B {}^H L_H {}^B I_B {}^B \Theta_H$). Программная функция взаимодействует с контактной функцией партнера, осуществляя управление ею и по возбуждению, и по торможению, то есть эффективно манипулирует чужой контактной функцией. Во встречном направлении чужая контактная функция стимулирует программную функцию субъекта. Творческая функция одноименна такой же творческой функции партнера, однако контакт между ними затруднен из-за несовпадения порогов. Тем не менее, из-за своего центрального положения (и поэтому малой абсолютной выраженности пороговых отклонений) творческие функции все же слабо взаимодействуют, слегка стимулируя друг друга.

Мобилизационные функции тоже совпадают названиями, но из-за противоположной полярности своих возбудительных и тормозных фильтров не возбуждают, а лишь тормозят и подавляют друг друга. Окончательный результат общения проявляется в усилении программной функции, которая начинает управлять не только своей творческой функцией, но и контактной функцией партнера, по желанию заставляя ее либо говорить, либо молчать. Творческие функции обмениваются информацией и слегка стимулируют друг друга, но с некоторым затруднением и легкой взаимной «глуховатостью».

Контактная функция работает по заказу партнера и в известной мере под его контролем. Мобилизационная функция в ходе общения умеренно подавляется и поэтому дает себя знать редко. Когда же она говорит, то подавляет этим соответствующую мобилизационную функцию партнера, поэтому ее всё равно никто не слышит.

Реальное взаимодействие осуществляется по контактными и по творческим функциям партнеров. Программная функция каждого участника легко слышится его партнером, так как ее «голос» проецируется на контактную функцию партнера, вынуждая ее подчиняться и уступать.

Если привести пример с другой *полудуальной* парой, $\square\blacktriangle$ (ЛИИ) и $\blacksquare\triangle$ (ЭИЭ), то ЛИИ бесцеремонно допрашивает или резко обрывает контактную *логику* своего *полудуала* ЭИЭ, а ЭИЭ покорно подчиняется. Взамен ЭИЭ так же бесцеремонен с ЛИИ в вопросах *эмоциональных* демонстраций, а ЛИИ послушно подчиняется и очень старается «эмоционально показаться» ЭИЭ. *Сенсорные* темы в разговоре ЛИИ с ЭИЭ практически не возникают (мобилизационные функции дополнительно подавлены и плохо слышат друг друга), а творческая *интуиция* каждого из этих двух общающихся типов «работает сквозь вату» — партнер прислушивается к чужой творческой функции, но с напряжением и не слишком долго. Поэтому чужие *интуитивные* речи (осуществляемые, например, в виде эвристических фантазий вслух) хоть и не проходят мимо ушей, но и не подхватываются налету. Взаимовыгодного обмена полезной информацией в таком общении, в общем, почти не происходит (разве что программная функция каждого намотает себе на ус какой-нибудь полезный случайный фактик или эмоциональное впечатление). В то же время отношения такого рода и не утомительны.

Всё сказанное в настоящем разделе об особенностях интертипных отношений прямо выведено из моделей «Т» взаимодействующих ТИМов. Ни одно приведенное свойство не заимствовано из эмпирических описаний интертипных отношений. Если получившиеся портреты интертипных отношений соответствуют наблюдаемым на практике, то это должно рассматриваться как аргумент в пользу модели «Т». По нашему мнению, исходя из модели «А», не привлекая опытного эмпирика, чисто теоретически предсказать и столь же подробно описать интертипные отношения удастся много хуже².

² Прим. ред.: Это утверждение автора спорно. Анализ интертипных отношений по модели А с использованием теории мерностей функций по А. В. Букалову, а также по модели Ю согласно Г. А. Шульману, позволяют дать детальное описание интертипных отношений.

Психофизиологический подход в раскрытии содержания признака «статика-динамика»

У всех *статиков* рациональные, решающие функции сильносигнальны по торможению, а иррациональные (воспринимающие) функции по торможению — слабосигнальны. У *динамиков*, напротив, торможение воспринимающих функций возникает лишь при сильных сигналах, в то время как слабые сигналы эффективно осуществляют торможение решающих функций.

К чему приводят эти психофизиологические особенности?

Рассмотрим работу воспринимающих функций у *динамиков*. Их работа будет прерываться, переходя в оценку, при любых сильных сигналах. Что означают сильные сигналы внутри воспринимающей сферы? Это вовсе не только громкие и яркие сигналы (по крайней мере, в отношении интуиции **яркость** и **громкость** утрачивают смысл). Воспринимающая сфера (как *сенсорная*, так и *интуитивная*) отслеживает изменения, происходящие в среде реальных или мысленных образов. Величина сигнала для воспринимающей сферы — это величина происшедшего изменения. Если изменение происходит резко и скачком — это сильный сигнал. Если изменение происходит плавно и постепенно, мелкими шажками, малыми квантами — это слабый сигнал. Таким образом, у *динамиков* работа любой воспринимающей функции непрерывно продолжается и продлевается, пока воспринимающая функция отслеживает мелкие изменения в структуре образов, делая это медленными и постепенными ступеньками, мелкими шагами, малыми квантами. Любое же резкое изменение мысленно или реально видимого, любой резкий диссонанс в слышимом, всякое слишком резкое изменение высоты тона в слуховом анализаторе, любой резкий сдвиг образа обрывают непрерывный акт восприятия, вызывая к работе какую-либо из оценивающих функций либо просто меняя тему и направление восприятия. Поэтому восприятие у *динамиков* и происходит малыми сдвигами, мелкими шагами и малыми квантами приращений, плавно и почти непрерывно — по-другому оно у них происходить не может! Напротив, у *статиков* непрерывное восприятие возможно только в том случае, если оно либо вообще неизменно и статично-недвижно, либо осуществляется резкими скачками и большими сдвигами «картинки». Любые же малые и мелкие изменения в реально видимой или мысленно представляемой картине окружающего вызовут у *статиков* торможение и обрыв процесса восприятия. Поэтому *статики не могут* следить за плавно и постепенно происходящими изменениями в окружающей картине, попытка следить за такими процессами тормозит, обрывает их воспринимающую функцию. Можно сказать и так, что *динамики* видят окружающий мир как снятый на киноплёнку со скоростью 64 кадра в секунду, где один кадр почти незаметно отличается от другого, в то время как *статики* воспринимают окружающий мир как киноленту, отснятую на скорости 8 кадров в секунду, где различия соседних кадров гораздо более очевидны.

Восприятие у полярных *статиков* и *динамиков* может быть столь по-разному организовано, что им, наверно, трудно представить и понять особенности восприятия друг друга.

В сфере динамических решающих функций — *черной логики* (■) и *черной этики* (▣) — всё обстоит, впрочем, как раз наоборот. Работа этих функций остается у *динамиков* непрерывной, пока они имеют дело с крупными, масштабными, интенсивными сигналами. Попытка нагрузить *черную логику динамика* анализом мелких логических деталей, мелких и частных связей, постепенных количественных приращений, слабых вероятностных различий должна немедленно приводить к торможению и обрыву логического процесса. В то же время работа с масштабными структурами, глобальными идеями, крупными весовыми сдвигами, контрастными фактами будет поддерживать у *динамиков* логический процесс в непрерывности.

Таким образом, распространенное (и, как мы видим, в целом верное) представление о плавности и непрерывной текучести процесса восприятия у *динамиков* верно лишь в отношении *сенсорной* и *интуитивной* функций. *Логика* и *этика* для поддержания своей непрерывности требуют у *динамиков* как раз крупных скачков, больших чисел, больших

нагрузок, интенсивных значений и резких сдвигов. То же касается и физической работы, и координации движений, ибо ее сфера близка к *логике*. Если работа требует только мелких точных движений, то станет отвлекаться и скучать *динамик*. Если работа требует быстрого и точного бросания арбузов или мешков с картошкой, то быстрее станет отвлекаться и скучать *статик*.

Насколько верно представление о том, что *динамики* в проективных тестах якобы чаще изображают движение, а *статики* — застывшие объекты? Нам такую корреляцию в опыте получить не удавалось. Собственно, из всего вышесказанного такая корреляция никак и не следует. Движение движению рознь, в него можно вкладывать разный смысл: оно может происходить и малыми шажками, и крупными скачками. Полагаем, что если изображенное в рисунках движение очень интенсивно, это скорее может соответствовать *статикам*, чем *динамикам*. Полная же обездвиженность рисунка опять же может быть более характерной для *статиков*. В кинофильмах *динамики*, очень может быть (не проверено), предпочитают длинные и неторопливые планы, а *статики* — короткие планы с частой сменой кадров, гонки, внезапные пиротехнические эффекты и т. п. По крайней мере, это сравнение верно в отношении двух кинорежиссеров: *динамика* А. Германа и *статика* Н. Михалкова.

В порядке гипотезы можно также предполагать, что упомянутая выше аналогия с киноплёнкой, на которой окружающий мир заснят с разной частотой следования кадров, одновременно имеет и реальный практический смысл. Было бы любопытно проверить, при каком максимальном «кванте» сдвига между смежными изображениями движущегося мультипликационного человечка (или колеблющегося маятника) происходит «срыв» иллюзорно-непрерывного восприятия движения у *статиков* и у *динамиков*, сменяясь на ощущаемые скачкообразные перемещения объекта. Можно допустить, что у *динамиков* «срыв» ощущения непрерывного движения должен происходить при меньшем размере кванта. Исследования такого рода, конечно, проводились в кинематографической и телевизионной науке, но касались они, наверняка, некоторых популяционно-средних показателей. Нас же тут могут интересовать скорее индивидуальные различия между людьми.

**Психофизиологический подход в раскрытии содержания признаков
«уступчивые-упрямые», «беспечные-предусмотрительные»,
«конструктивисты-эмотивисты», «тактики-стратеги»**

Об этих признаках мы уже подробно писали. Собственно, именно эмпирически выявленное нами содержательное наполнение данных признаков, однозначно указывающее на их связь с парциальной силой-слабостью нервной системы в сфере конкретных функций и с парциальной уравновешенностью нервных процессов конкретных функциональных сфер по возбуждению и торможению, послужило нам решающим поводом для появления обсуждаемой психофизиологической модели ТИМа, а одновременно и первым весомым экспериментальным доказательством ее верности.

Напомним вкратце: «уступчивые» слабосигнальны по *этической* функции и «сильно-сигнальны» по *логической* функции, «упрямые» — наоборот. «Сильносигнальность» означает высокий парциальный порог возбуждения данной конкретной функции, «слабосигнальность» — низкий.

Аналогично «беспечные» являются слабосигнальными специалистами по *сенсорной* функции и сильносигнальными специалистами по *интуитивной* функции, «предусмотрительные» — наоборот.

«Конструктивисты» уравновешены по *логической* функции и неуравновешены по функции *этической*, «эмотивисты» — наоборот. Уравновешенность означает одинаково высокую или одинаково низкую высоту порогов возбуждения и торможения данной конкретной функции. В случае неуравновешенности пороги имеют качественно разную высоту (один высокий, другой низкий).

Аналогично «тактики» уравновешены по *сенсорике* и неуравновешены по *интуиции*, а «стратеги» — наоборот.

Психофизиологический подход в раскрытии содержания признаков «экстраверты-интроверты», «интуиты-сенсорики», «логики-этики»

Первичными для теоретического построения модели «Т» (для расстановки знаков парциальных порогов при функциях) стали признаки «*конструктивисты-эмотивисты*», «*тактики-стратеги*», «*беспечные-предусмотрительные*» и «*уступчивые-упрямые*», определяющие уравновешенность-неуравновешенность и пороги по возбуждению четырех юнгианских функций. Если полюсы **любых трех** из этих признаков у индивида заданы, то тем самым жестко заданы и пороговые индексы при всех функциях.

С точки зрения полной модели «Т», включающей, помимо парциальных порогов четырех функций, также указание на общее свойство силы-слабости нервной системы индивида по возбуждению, *экстравертами* оказываются те индивиды, которые по общему свойству силы-слабости являются «сильными», то есть имеют высокий общий порог возбуждения. В этом случае программной и творческой функциями индивида автоматически оказываются те две из четырех функций, которые также имеют высокие парциальные пороги возбуждения. Оставшиеся две функции — с низкими порогами возбуждения — автоматически занимают места мобилизационной и контактной функций. При этой расстановке порядка учитывается, что программная и мобилизационная функции в обязательном порядке должны быть неуравновешены по своим парциальным порогам возбуждения и торможения, а творческая и контактная функции — уравновешены. Таким образом, указание общего порога индивида по возбуждению эквивалентно заданию порядка функций в формуле ТИМа (в модели «Т»). *Экстраверсия* индивида, таким образом, эквивалентна как общему высокому порогу индивида по возбуждению (общему свойству его нервной системы по силе возбуждения), так и высоким парциальным возбудительным порогам первых двух функций.

Что касается признаков «*интуит-сенсорик*» и «*логик-этик*», определяющих, какая из двух оппозиционных функций будет в первой паре, а какая — во второй, то после задания парциальных порогов функций и общего порога по возбуждению значения этих признаков у конкретного индивида детерминируются однозначно. Так, человек оказывается *сенсориком*, если парциальный порог возбуждения его *сенсорной* функции совпадает с общим порогом возбуждения нервной системы индивида. Человек будет *логиком*, если парциальный порог возбуждения его *логической* функции совпадает с общим порогом возбуждения нервной системы индивида, и т. д. Такое определение вытекает из экспериментально полученной нами физиологической закономерности, согласно которой высота парциальных порогов в парах *интуиции* и *сенсорики*, *логики* и *этики* взаимно оппозиционна (это следует из раскрытого в эксперименте содержания признаков «*беспечные-предусмотрительные*» и «*уступчивые-упрямые*»).

Сравнение модели «Т» и модели «А»

Модель «Т» в сравнении с моделью «А» обладает, во-первых, теми преимуществами, о которых уже говорилось выше: она осуществляет более качественный и наглядный прогноз интертипных отношений, делает возможным предсказание ряда моментов этих отношений, о которых в соционической литературе пока не говорилось вообще либо говорилось редко, причем часто лишь в экспериментально-наблюдательном плане, без привязки к теоретическому объяснению и предсказанию этих свойств.

Модель «Т» позволяет аддитивно суммировать воздействия на возбудительный и тормозной входы каждой функции не только от одного партнера по общению, а сразу от нескольких. Благодаря этому методически существенно облегчается соционическое рассмотрение не попарного, а тройного и более взаимодействия ТИМов в малых группах, появляется более подходящий аппарат для теоретического анализа и прогноза этих отношений. Благодаря введению операторов порогов появляется более адекватный математический аппарат и для анализа возникновения и функционирования интегральных ТИМов больших коллективов.

В отличие от модели «А», модель «Т» однозначно обосновывает содержательное, причем психофизиологически мотивированное наполнение ряда признаков Рейнина, само самостоятельное содержательное существование которых из модели «А» ранее не выводилось и подвергалось сомнению. Тем самым резко расширяется сфера применения соционической парадигмы в психологии и психофизиологии и увеличивается ее научно-прогностическая роль.

Модель «Т» проливает новый свет на применение факторного анализа в психологии. Благодаря ее аппарату становится понятно, что чисто линейное факторное моделирование не адекватно задачам психологии, что в рамках пятифакторной модели личности одновременно сосуществуют не вычленимые методами факторного анализа «спрятанные» факторы, порождаемые нелинейным взаимодействием базисных факторных осей: такие, как «уступчивость-упрямство», «конструктивизм-эмотивизм», и т. п.

Модель «А» до сих пор пользуется четырьмя степенями свободы для кодировки ТИМа. В этом смысле она не отличается от наследия К. Юнга и концепций научной школы Бриггс-Майерс. Модель «Т» пользуется четырьмя степенями свободы в своем упрощенном варианте и пятью степенями свободы в полном варианте, благодаря чему она предсказывает также акцентуации ТИМа. Этим преодолевается разрыв с общепринятой в современной дифференциальной психологии пятифакторной моделью личности, а соционическая парадигма выводится из-под соответствующего критического удара «академических психологов» (надо признать, совершенно справедливого).

В сравнении с моделью «А» рассмотренная в статье психофизиологическая модель открывает перед соционикой путь более решительного перехода на экспериментальные рельсы. Во-первых, она делает реальным более грамотное конструирование и использование диагностических опросников, позволяет осмысленно использовать в них соционические признаки неюнгианского базиса. Во-вторых, она открывает дорогу для прямых психофизиологических измерений и экспериментов.

Модель «А» не предусматривает акцентуаций. Эти акцентуации там даже при желании некуда «воткнуть», ибо модель «А», исходя из своей конструкции, вынужденно считает первичным не параметры (которые из качественной формы при желании всегда могли бы быть переведены в форму количественную), а порядковую расстановку функций. Модель «Т» опирается на качественные параметры, характеризующие высоту порогов. Однако качественные параметры такого рода легко переводятся и в количественную форму, что, не меняя расстановки функций и сохраняя приписывание индивиду неизменного ТИМа, обеспечивает внутри ТИМа также и «люфт» для акцентуаций. Вторая возможность для объяснения акцентуаций моделью «Т» состоит в общих свойствах нервной системы, накладывающихся на парциальные. Так, предположение о наличии общего свойства силы-слабости нервной системы по торможению порождает разбиение ТИМа на две акцентуации.

В модели «А» понятия *экстраверсии-интроверсии* и *экстратимности-интротимности* смешаны в единое малоразборчивое целое, что давно порождало неудовлетворенность многих социоников³. Однако в модели «А» нетождественность этих понятий хотя бы уже довольно отчетливо проступает, чего никак не скажешь о концепции американской психологической школы Бриггс-Майерс. Модель «Т» окончательно отделяет понятие *экстравертности* от понятия *экстратимности*, давая каждому из этих понятий свою собственную четкую физиологическую трактовку.

Модель «Т» располагает многими возможностями своего дальнейшего развития, не только экспериментального, но и теоретического — как в чисто соционическом направлении, так и в направлении психофизиологическом. Её развитие даже напрашивается. Например, рассмотрение гипотетических частично-общих порогов, разделяющих функции первой

³ Прим.ред.: теория мерностей (векторов) психических функций, предложенная А. В. Букаловым, в применении к модели А позволяет описывать структуру и наполнение каждой функции и индивидуальные конфигурации личности, включая акцентуации. Это проверено в практической работе Международного института соционики на протяжении 1991–2006 гг.

сигнальной системы (*сенсорику* и *этику*) и функции второй сигнальной системы (*интуицию* и *логику*), может пролить новый свет на раскрытие содержания признаков «*демократы-аристократы*», «*квестимы-деклатимы*», «*правые-левые*», «*позитивисты-негативисты*». Нуждается в детальном объяснении и раскрытии такая важная соционическая закономерность, как периодическая система социона (Г. А. Шульман). Учет меньшей амплитуды разброса порогов у центральных функций, замена порогов на количественные значения позволит уточнить модели межтимных взаимодействий и откроет путь исследования и расчета акцентуаций. Развитие модели может идти и по пути учета и объяснения ряда известных и несомненных, но не обсуждавшихся в настоящей публикации психофизиологических закономерностей: например, частичной скоррелированности между слабосигнальностью («слабостью») нервной системы и ее уравновешенностью по возбуждению-торможению.

В соционической литературе для модели «А» прижилось удобное изображение соционических функций значками с помощью специального соционического шрифта. В принципе, модель «Т» допускает сохранение подобных обозначений, однако каждая фигурка должна при этом разбиваться пополам и окрашиваться в два цвета, поскольку в модели «Т» функция характеризуется не одной, а двумя степенями свободы, двумя параметрами. К сожалению, — по мнению автора — наглядность пороговых фильтров при таком изображении частью утрачивается, их понимание требует дополнительной и довольно напряженной мысленной перекодировки. Поэтому, признавая возможность изображения функций значками и в модели «Т» (значки хороши для понимания *этиками* и немало способствовали популяризации соционики), сам автор пока отдает предпочтение буквенному обозначению функций (русскими начальными их буквами) с двумя индексами при каждой, — что удобно и с типографской точки зрения, и для понимания (в том числе неспециалистами в соционике или специалистами смежных дисциплин).

Психофизиологическая модель «Т» — это исключительно соционическая модель. Она понемногу выросла из модели «А», из признаков Рейнина, из интертипных отношений. Её преемственность по отношению к работам Аушры Аугустинавичюте очевидна, она многократно сильнее, чем преемственность относительно работ Карла Юнга или тем более трудов его американских последователей. Шаг обратно в сторону Юнга психофизиологическая модель делает только в единственном смысле: она возвращает в соционику представление о целостности четырех юнговских функций, но одновременно же она детализирует и проясняет картину всех многочисленных возможных состояний каждой функции (аспектов — на языке модели «А»). Автор шел к данной модели шесть лет. Работа не привела бы к результату, если бы не было многочисленных основополагающих исследований киевской соционической школы если бы не было работ А. В. Букалова, Г. А. Шульмана, О. Б. Карпенко, В. Д. Ермака, А. В. Трехова, Т. Н. Прокофьевой, Е. С. Филатовой, Т. И. Меньшовой и еще многих социоников, и если бы еще один киевлянин, В. В. Гуленко, своими научными выступлениями и публикациями не поддерживал собственную убежденность автора в наличии «остающихся за кадром» акцентуаций типа и уверенность в неоднородности традиционной вертности, где собственно вертность должна рассматриваться как энергетическая характеристика, а цвет функций, экстра- или интро-тимость, — это уже нечто совсем другое. Благодаря всем этим работам и благодаря многолетней деятельности киевских международных журналов по соционике («Соционика, ментология и психология личности» в первую очередь) появилась данная модель, из них и благодаря им она обросла эмпирическими подтверждениями и доказательствами, развилась и выросла.

С другой стороны, модель преемственна по отношению к советской школе физиологии высшей нервной деятельности и дифференциальной психофизиологии, обязана своим появлением работам корифеев этой школы XX столетия — И. П. Павлова, Б. М. Теплова, В. Д. Небылицына и их многочисленных российских и украинских учеников. Доктрина автора — это синтез психологии и физиологии. То, что рождается на стыке наук, порою может оказаться более верным и обобщенным, более приближенным к истине, более прогностиче-

ским, лучше развивающимся в перспективе и в то же время более прозрачно-простым и общепонятным. Так ли это, судить читателям.

Л и т е р а т у р а :

1. Аугустинавичюте А. Модель информационного метаболизма // Соционика, ментология и психология личности. — 1995. — №1.
2. Аугустинавичюте А. Социон. // Соционика, ментология и психология личности. — 1996. — №№ 4-5.
3. Аугустинавичюте А. Теория признаков Рейнина // Психология и соционика межличностных отношений. — 2004. — №№7-12.
4. Букалов А. В. Соционика, ментология и психология личности // Соционика, ментология и психология личности. — 1995. — №1.
5. Букалов А. В. 16-компонентная модель ТИМа и социона. // Соционика, ментология и психология личности. — 1996. — №4.
6. Букалов А. В. Интегральная соционика. Типы коллективов, наций, государств. Этносоционика // Соционика, ментология и психология личности. — 1998. — №5.
7. Букалов А. В. Соционика: гуманитарные, социальные, политические и информационные интеллектуальные технологии XXI века. // Соционика, ментология и психология личности. — 2000. — №1.
8. Букалов А. В. Соционика и психоинформатика: универсальный инструмент анализа, структурирования и организации человеческого знания // Соционика, ментология и психология личности. — 2002. — №3.
9. Голубева Э. А. Индивидуальные особенности памяти человека (психофизиологическое исследование). — М.: Педагогика, 1980. — 151 с.
10. Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды. Соционика для руководителей. — М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. — 282с.
11. Гуленко В. В. Структурно-функциональная соционика: Разработка метода комбинаторики полярностей. — К.: Транспорт України, 1999. — 187с.
12. Ермак В. Д. О «красоте» теоретической базы соционики и прочности её фундамента // Соционика, ментология и психология личности. — 2004. — №5.
13. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология. — СПб.: Питер, 2001. — 464 с.
14. Меньшова Т., Цыпин П., Лёвин И. Секреты типирования — М.: Черная белка, 2004. — 92 с.
15. Небылицын В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. — М.: Наука, 1976.
16. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. — Л.: Медгиз, 1951.
17. Пейсахов Н. М. Саморегуляция и типологические свойства нервной системы. — Казань, 1974.
18. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М.: Наука, 1979.
19. Таланов В. Л. Содержательное наполнение и физиологическая интерпретация соционических признаков «конструктивисты-эмотивисты», «тактики-стратеги», «уступчивые-упрямые» и «беспечные-предусмотрительные» // Доклад на XXII Международной конференции по соционике «Психоинформационные технологии, кадровый менеджмент и психология личности». Киев. 16-23 сентября 2006 г.
20. Трехов А. В. Обобщения модели А и признаки Рейнина // Соционика, ментология и психология личности. — 2004. — №3.
21. Трехов А. В. Личное и соционное в признаках Рейнина-Аугустинавичюте // Соционика, ментология и психология личности. — 2006. — №3.
22. Теплов Б. М. Избранные труды: в 2-х т. — М.: Педагогика, 1985.
23. Шульман Г. А. Модель социона // Соционика, ментология и психология личности. — 1995. — №3.
24. Шульман Г. А., Карпенко О. Б. Попытка реабилитации // Соционика, ментология и психология личности. — 2004. — №5.
25. Юнг К. Г. Психологические типы. — М.: Алфавит, 1992.

Статья поступила в редакцию 10.10.2006 г.